

Михаил Тырин
Дети Ржавчины

«Автор»

Тырин М. Ю.

Дети Ржавчины / М. Ю. Тырин — «Автор»,

Сверхъестественные явления, вторгаясь в повседневную жизнь, грозят серьезными неприятностями. Противодействуют им облеченные особыми полномочиями сотрудники специального Ведомства. Группа Олега Бессонова, усиленная внештатником – экстрасенсом, отправляется на очередное задание и сама попадает под воздействие неизвестных сил. Не выдержавший перегрузки экстрасенс кончает жизнь самоубийством, а влекомый неумолимым внутренним голосом Олег через гиперпространственный переход переносится на другую планету, где его лучшие качества спецагента приходятся очень кстати.

© Тырин М. Ю.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ДОЖДЬ	5
ВЕДОМСТВО	8
КАТЕНЬКА	13
ОТЪЕЗД	17
ПРОБЛЕСК	31
ОТКРОВЕНИЯ	35
ДОЗНАНИЕ	38
ПРОРЫВ	43
БЕГСТВО	46
БЕЗЫМЯННЫЙ	49
ВХОЖДЕНИЕ	53
КОНЮШНЯ	56
НАЛЕТ	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Михаил Тырин

Дети ржавчины

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОЖДЬ

Всю ночь небо хлюпало и вздыхало, а на рассвете расплакалось тихим серым дождем.

Я сидел в продрогшем кафе и думал о том, что к тридцати годам добровольно отдал весь этот мир другим людям. Это был первый симптом близкой старости, хотя я еще не стал седым, сгорбленным или ослабленным болезнями.

Тридцать лет – а я уже безнадежно постарел. Вернее, устарел. В разных концах зала сидели парень и девушка – вероятно, студенты из находящегося поблизости Горного института. Похоже, они, как и я, опоздали к началу дня и выжидали в кафе удобного момента, чтобы пройти на лекцию. Они обменивались быстрыми взглядами, но при этом усердно делали вид, что им нет друг до друга никакого дела.

Я смотрел на них и думал: сейчас он, наверно, решится подойти к ней с каким-нибудь невинным предложением. Например, предложит свой зонт, чтоб вместе дойти до института. Возможно, она сразу даст ему от ворот поворот, а может, и нет. Скорее всего нет. Она будет подчеркнута равнодушна, она пожмет плечами и не улыбнется, она будет глядеть в сторону и отвечать односложно. Мол, не очень-то ты мне нужен со своим зонтом, но раз уж сам напросился... И так далее.

В любом случае и при любом исходе это будет выглядеть естественно.

Совсем другое дело, если попробую подсесть я. В хорошо одетом дяде, окруженном запахом дорогого одеколona, она увидит скорее всего перезревшего ловеласа, который возжелал тряхнуть костями, пока жена не видит. И даже если я скажу, что нет у меня жены, она не поверит. Глядя на меня, нельзя подумать, что у меня нет жены или чего-то другого, необходимого. Так я выгляжу: устроенный, упакованный, обросший важными заботами, как семейными, так и служебными.

А ведь жены у меня больше нет, это правда.

Так что нужно смириться – романтические встречи, разговоры ни о чем, шумные случайные компании ушли в прошлое. Они остались этим ребятам – девчонке в джинсовой куртке и пареньку в бейсболке. Сам я уже не влезу ни в куртку, ни в бейсболку. Да и не очень-то они мне теперь нужны.

Самое грустное, что я не намного старше этих ребят.

Я посмотрел на часы. Через десять минут в Ведомстве закончатся утренние планерки. Тогда можно будет потихоньку перебираться на рабочее место. Увы, это обязательно. Парень с девушкой могут сейчас познакомиться и в честь этого, отложив учебу на потом, пойти куда-нибудь. А я обязан быть на месте. Пусть даже с опозданием.

Тяжело стареть в тридцать лет. Вот и сегодня – опоздал на работу. Обыкновенно проспал. Откуда взялась эта привычка – лежать и думать, глядя в потолок, после пробуждения? Куда подевалось желание бодро вскакивать – и действовать, действовать?..

Хотя, сказать по совести, сегодня виновата совсем не моя ранняя старость. Виноват дождь. Под дождь я могу спать целый день, и никакой громогласный будильник не смеет этому мешать.

Я снова посмотрел на часы. С грустью подумал, что дома лежит упакованный в полиэтилен кусочек баварского сыра. Как бы здорово он пошел под кофе с молоком мне на завтрак! Вместо этого – какие-то школьные булочки в дешевом кафе. Сам виноват, надо было вовремя вставать. А впрочем, виноват все-таки дождь...

Я потрогал висящий под мышкой пистолет и украдкой посмотрел на студентку. А что, если бы сейчас в кафе ворвался небритый детина с обрезом и попытался всех ограбить. Тут бы я сумел показать себя. Все бы увидели, что я не какой-то канцелярский работник, до посинения перетянутый галстуком. Я зажмурился и представил себе: вскакиваю, отшвыриваю стул, уворачиваюсь от заряда картечи, делаю подсечку, удар, бросок, разбиваю негодяем что-то из мебели, и наконец пистолет в затылок: «Не двигаться!»

И стою победителем среди клубов порохового дыма. Это действительно способ стать интересным для кого-то. Не то что какой-то дурацкий зонтик...

Глупости, конечно...

Увы, такой удачи у меня в жизни еще ни разу не было. А студентка продолжает ковырять свое мороженое с гипертрофированным безразличием на лице.

И опять я посмотрел на часы. «Сколько можно на нас смотреть?» – подумали, наверно, часы. Пожалуй, пора идти. Я уже оторвался от стула, но тут дверь в кафе распахнулась, впуская в помещение шум дождя. На пороге появился человек, он остановился, отряхивая зонт. И в этот момент стало видно, что он одет почти в такой же плащ, как и я. Двубортный пиджак тоже сильно смахивал на мой, и ботинки были примерно того же сорта – надежные, прошитые крепкими нитками, хорошо почищенные. Более того – я был в этом почти уверен, – под пиджаком у него висел такой же пистолет, как и у меня.

Это был Петя Алексеев. Помимо одинаковой одежды, мы с ним занимали одинаковые должности. Оба – старшие эксперты Отдела первичных изысканий.

Петя нашел меня взглядом, непонятно усмехнулся и уселся рядом.

– Ты думал, я тебя здесь не найду? – спросил он.

– Да нет, – я пожал плечами. – Не думал.

– Ах, не думал? А знаешь, зачем я тащился через улицу под дождем и искал тебя по всем подворотням? – продолжал Петр.

– Не знаю, – с сожалением признался я.

– Не знаешь... А я скажу, – он жестом успокоил пожилую официантку, которая, заметив нового посетителя, неохотно зашевелилась.

Помолчал, наблюдая за мной и выжидая, когда я начну проявлять признаки нетерпения. Но так и не дождался.

– Значит, в командировку завтра поедешь? – спросил Петя.

– В командировку? Если ты говоришь, то, наверно, поеду.

Я уже привык к его частой манере использовать в разговоре только вопросительные предложения.

– Правильно... Воздухом подышать, в речке искупаться, грибов насобирать, так?

Я пожал плечами.

– А может, и мне с тобой рвануть? – гнул свое Петька.

– Петя, давай короче, – попросил я.

– Обожди. Скажи лучше, слабо поработать геодезистом?

Я протяжно вздохнул. Из нашего несуразного разговора выходило, что завтра мы с Петром выезжаем, видимо, в какую-то глухомань под видом геодезической группы.

– Кто с нами едет? – спросил я.

Петр призадумался, каким бы вопросом ответить на мой вопрос, но ничего не придумал.

– Внештатник поедет.

– Поздравляю, Петя, ты понемногу учишься выражаться коротко и понятно. Давай, рассказывай в таком же духе все остальное.

Раздалась мелодичная трель. Петька сунул руку за пазуху и выудил трубку радиотелефона.

– Да! Ну?..

Парень с девушкой моментально повернули головы в нашу сторону. Я вдруг посмотрел на нас с Петькой их глазами. И увидел двоих почти одинаковых людей в серых плащах и белоснежных рубашках. Бизнесмены, что ли? Нет, бизнесмены не ходят по студенческим пельменным. Может, мафия? Тем более невероятно. Кто же тогда, шпионы?

Все равно не догадаться. Хотя догадаться легко. Достаточно вспомнить, что через дорогу мокнет под дождем шестизэтажное здание Ведомства. Не всякий, правда, знает, что это Ведомство, потому что на входе табличка с длинным неудобоваримым названием, которое я и сам плохо помню. Оно и есть настоящее название Ведомства.

А если кто-то и знает об этом, разве он сможет подумать, что работники Ведомства будут рассиживаться в обычном кафе, среди обычных людей и пить обычный остывший чай с булочками?

Не догадаться. Лучший способ спрятаться – держаться на виду.

Петька закончил разговор, сунул трубку обратно за пазуху. Я воспользовался этой маленькой заминкой, чтобы привести нашу беседу к логическому завершению.

– Петя, ты так и не сказал, чего ради ушел с работы и искал меня. Прошу, отвечай быстро и без лирических отступлений.

Петька посмотрел на меня с обидой.

– Да неужели ты не понял?!

– Петя! – деликатно предостерег я.

– Я пришел, чтоб предупредить тебя. Чтоб ты в кабинете Директора не хлопал глазами, как баран, а был в курсе. И заметь, совершенно бескорыстно. Так что с тебя причитается.

– Спасибо, Петя, очень тронут. Надо было сказать об этом сразу, я и так опоздал.

– Вот еще что! – добавил Петр шепотом. – Приказ – оружия не брать.

– Что?! – я широко открыл глаза.

– Идем...

Открывая дверь, я уловил краем глаза, что парнишка в бейсболке все-таки поднялся. И еще я успел услышать:

– Скоро перемена... Может, вместе пойдем, у меня зонт...

ВЕДОМСТВО

- Так что насчет оружия? – прицепился я к Петьке, едва мы оказались на улице.
- Ты уже слышал. Оружие нужно сегодня вечером сдать в хранилище.
- Петя, ты меня пугаешь.
- Не больше, чем Директор испугал меня.
- Послушай, это серьезно. Что говорили на планерке?

Петр выразительно посмотрел на меня и ничего не сказал. Я же пребывал в смятении. И вовсе не потому, что мне очень нужен этот пистолет. Как раз наоборот.

Вся штука в том, что, кроме нас, по городу ходит огромное количество вооруженных людей в штатском. Таможенники, фельдъегери, охранники самых разных мастей. Не говоря уж про милицию. Даже ревизорам, что проверяют билеты в поездах, и тем дают револьверы.

Все они имеют четкие правила на тот случай, если придется доставать своих железных защитников из кобуры. Выстрелить в человека можно только в строго определенных случаях: например, если кто-то захватил заложника или пытается отобрать у тебя пистолет. Всего шесть пунктов. Мало, но в этих пунктах предусмотрены все мыслимые и немыслимые ситуации, в которые может попасть человек с оружием. Больше не придумает, сколько ни напрягайся.

Так вот, у сотрудника Ведомства таких пунктов девять.

И вдруг... Собственное начальство не доверяет нам наши пистолеты.

Правда, справедливости ради нужно сказать, что на моей памяти лишь один случай, когда сотрудник Ведомства воспользовался правом стрелять.

Мы с Петькой стояли уже на разделительной полосе широкой улицы и ждали, когда иссякнет поток рычащих, агрессивных, озверевших под дождем машин.

– Погодка... – пробормотал Петя. – А завтра – жара.

– Веришь синоптикам?

– Нет. Верю внештатникам.

– Правильно. А мне один внештатник подсказал простой способ, как остаться сухим под дождем.

– Ну-ка...

– Элементарно. Нужно только обходить струи и уворачиваться от капель.

– Он сам-то этот способ попробовал?

– Спрашиваешь! Давай-ка бегом, пока машин нет.

Мы заскочили в подъезд и полезли за своими карточками, которые надлежало показать тете Саше. Тетя Саша знает нас как облупленных, но если не показать ей документы, она нажмет скрытую кнопку под стойкой и нами займутся совсем другие люди. Таковы правила Ведомства.

– Ну, ты иди к шефу, а мне тут еще в одно место нужно... – засуетился Петр.

Я не стал дожидаться лифта и побежал по лестнице. Торопливо открыл кабинет, захлопнул окно, через которое на стол падали дождевые капли.

Теперь – к Директору. Я перерыл бумаги в столе, чтоб взять одну с собой и прийти как бы по делу, а не с пустыми руками и повинной головой. Наконец нашел номерную инструкцию, которую должен был вернуть еще месяц назад.

Инструкцию – в папку, мокрые волосы – пригладить, галстук – поправить. Все, можно отправляться.

У Директора большой кабинет. Но, что странно, сам Директор в нем не смотрится маленьким. Порой кажется, нет такого пространства, по сравнению с которым казался бы маленьким шеф Ведомства. У него могучие округлые плечи, толстые руки с ладонями-лопа-

тами, в которых он по неосторожности только на моих глазах сломал с десяток авторучек. Недавно ему подарили новую – немецкую, титановую. Она еще цела, хотя и слегка погнута.

У Директора смуглая кожа и крючковатый нос, что делает его похожим на индейца. Волосы черные и жесткие, причесыванию они не поддаются, и потому всегда пострижены «ежиком». Голова сидит крепко и надежно, как наконечник стенобитного орудия. И такой он весь – прочный, добротный, тяжелый. И очень спокойный. Когда сидит в президиуме – даже не моргает.

Директор поднял на меня глаза.

– Вот, – я протянул бумажки. – Вы просили вернуть лично в руки.

– А-а, спасибо. Пустяки, можно было у Марины оставить. Что-нибудь еще?

– Да нет... – начал я валять ваныку. – Если только...

– Кстати, Олег, – перебил он меня, – я что-то хотел сказать тебе утром, но не нашел. Ты в лаборатории был?

– Нет, – ответил я. – Я сегодня опоздал.

– Опоздал? – с удивленной улыбкой переспросил Директор. – Троллейбуса долго не было? В другой раз не стесняйся вызвать дежурную машину.

– Дело не в троллейбусе. Просто проспал.

Я твердо знаю и никогда не изменю этому принципу – шефу врать нельзя. Он четко видит, когда ему врут. Если соврешь – он запомнит. Если скажешь правду – даже в ущерб себе, – он оценит и тоже запомнит. Из этого складывается доверие.

– Преспал... – он понимающе покачал головой. – Что ж, бывает. Ну, хорошо, иди.

В душе такое чувство, будто получил хорошую взбучку. Хотя никакой взбучки не было. И обиды на начальство нет. Директор на этот счет молодец. Умеет следить за дисциплиной, никого не обижая. В Ведомстве недопустимо создавать конфликтную обстановку.

Но я знаю и другое. Воспитательный процесс на сегодня не закончен. Сейчас Директор говорит мне «иди», а после обеда вдруг спросит, почему я не готовлюсь к командировке. Я скажу, что ничего не знаю. Почему? Потому что не был на планерке. Почему? Преспал. И снова будет настроение, как после взбучки. Ну, нет, не доставлю я ему такого удовольствия.

– Можешь идти, Олег, – он опустил глаза к своим бумагам.

– Простите, а что насчет завтра? – деликатно поинтересовался я.

Если Директор и был разочарован моей осведомленностью, то ни один даже самый проныцательный человек не смог бы об этом догадаться.

– Насчет завтра? – он вопросительно посмотрел на меня.

– Да, – так же вежливо напомнил я. – Насчет завтрашней командировки.

– Ах да, конечно, – он отвернулся к компьютеру. – Одну минуту.

Все! Я разрушил его воспитательные планы, и теперь наконец вместо игры в кошки-мышки начнется нормальная работа. Директор распечатал бланк, тщательно свернул и положил в конверт.

– Вот.

И ни слова больше. Сам знаю, что прочитать предписание я должен у себя в кабинете без посторонних, а затем уничтожить.

По коридору я летел, как на крыльях. Что ни говори, приятно из разряда недисциплинированного, опаздывающего разгильдяя вернуться в положение полноправного сотрудника.

В кабинете я сразу прыгнул на свой стул-вертушку и посидел некоторое время, наслаждаясь упавшим с души камнем. Тихо подал голос телефон.

– Слушаю.

– Ну? – это был Петька.

– Позже поговорим, – отрезал я, удивленный его нетерпением.

Я вскрыл наконец конверт и расправил отпечатанный бледным шрифтом бланк.

НАПРАВЛЕНИЕ

Зона командировки: с.Ершово Чернореченского р-на.

Маршрут:

База – Чернореченск – диз. – поезд.

Чернореченск – шоссе, поворот на Ершово – рейс. автобус.

Шоссе – Ершово – спец а\м «УАЗ-469» г\н 30-21.

«Управление геодезии и картографии»,

стандартная комплектация.

Продолжительность командировки: от одного дня.

Легенда: плановые геодезические исследования.

Состав группы:

1. ст.эксперт ОПИ О.Бессонов
2. ст.эксперт ОПИ П. Алексеев
3. вн.консультант Гришаня.

Экипировка:

1. комплект № 023
2. комплект № 006
3. комплект № 002-А
4. изделие «БДК-02».

Предписания:

1. Запрещение на алкоголь и наркосодержащие мед. препараты.
2. Использовать препарат Z-101.
3. Личное оружие подлежит сдаче в хранилище».

И все. Ниже шли только талоны для склада и бухгалтерии. Я отделил их с помощью линейки и положил в карман. Направление изорвал в мелкие клочки и выбросил в запечатанную мусорную корзину с узким отверстием в крышке.

Если краткость – сестра таланта, то передо мной несомненный шедевр. Впрочем, кое-какую информацию из него можно выудить. Во-первых, нет ничего о цели поездки и условиях работы. Это может означать, что объект исследования очевиден и мы заметим его сразу по прибытии. Это старая традиция Ведомства – ничего не говорить участникам изыскания перед началом, чтоб не сбивать их восприятия. Если сказать, например, что в местных лесах завелись зеленые человечки, то мы будем искать именно их и можем пропустить что-то более важное. Тем более что подобные командировки часто основаны на самых нелепых слухах.

Срок поездки – всего день. Значит, сразу вслед за нами должна приехать полновесная поисково-исследовательская бригада. Или не должна – в зависимости от того, что мы передадим на базу. А возможен и такой вариант, что бригада будет идти вслед за нами, едва ли не наступая на пятки. Этот план всегда мне нравился. Приятно чувствовать за спиной мощь организации.

Далее – препарат Z-101. Используется для защиты психики от чего угодно – от клаустрофобии до психотропных препаратов. Его берут с собой почти в любую экспедицию, где подтверждается сигнал о Явлении или хотя бы Следах. Так что ничего конкретного на этот счет не придумашь.

Маршрут. Вместо того, чтоб сесть на машину во дворе базы и доехать на ней до конечной точки, мы будем добираться на перекладных. Хорошо, что не автостопом. Стало быть, в дороге нужно поработать с населением и выяснить хотя бы минимум сведений о Явлении, обнаруженном в селе Ершово. Тоже обычный метод.

Теперь следовало разобраться с оружием...

И тут в дверь постучали. Я быстро оглядел стол – нет ли чего непредназначенного для посторонних – и повернул рукоятку замка. В проходе стоял Ветров. Он был пенсионером Ведомства, но я видел его каждый день, потому что он продолжал выполнять одну важную функцию.

– Проходите, Сергей Кириллович.

– Здравствуй, Олег. Хотел попросить тебя об одном одолжении. Я читал твой отчет об Угольной аномалии в Серогорске. Нельзя ли использовать его для моих выступлений? Мне давно уже пора обновить текст.

Ветров занимается в Ведомстве связями с общественностью. Дело это настолько тонкое и непростое, что любой сотрудник относится к нему со всей серьезностью. В Ведомстве существует лишь одна форма работы с общественностью – это встречи и выступления в трудовых коллективах, школах, институтах. Общаться с журналистами нам строго запрещено. Все устроено так, чтобы люди слышали информацию из первых рук. Когда Ветров приходит выступать в любое заведение, там все бросают работу и забивают под завязку комнаты отдыха и актовые залы. Увидеть и услышать сотрудника Ведомства – большая удача.

И Ветров знает это. Он владеет методикой в совершенстве. Если сегодня его услышали пятьдесят человек, то завтра будут пересказывать уже пятьсот. И пусть они даже что-то перепутают, наплетут лишнего – это нам всем только на пользу. Кто-то из аналитиков подсчитал, что слухи, расходящиеся после таких выступлений, значительно полезнее для имиджа организации, чем газетные статьи и телепередачи.

– Угольная аномалия, – повторил я, открывая сейф и листая папку. – Дело почти закончено, Сергей Кириллович, но еще будут испытания на добровольцах. Похоже, в человеческом организме кристаллы мутируют и распадаются в полтора раза медленнее. В любой момент исследования могут возобновиться.

– Жаль, – вздохнул Ветров. – Что-то в этом году совсем нет интересных дел.

– Ну почему же. Зайдите в Сектор биологии. Там только на днях закончено дело Человека-молнии.

– Правда? – просветлел пенсионер. – Я не знал. Вот спасибо!

– Правда-правда. Дело очень интересное, я им сам сначала занимался. Помните, я ездил в Карелию?

– Спасибо, Олег, что подсказал. Не буду тебе больше мешать.

Он повернулся, собираясь уходить.

– Сергей Кириллович! – позвал я, когда он уже почти закрыл дверь.

Он с улыбкой обернулся.

– Зайдите, пожалуйста. Скажите, Сергей Кириллович, у вас были такие экспедиции, в которые вам запрещали брать оружие?

Ветров нахмурился.

– А зачем тебе?

– Завтра уезжаю, и вот...

– Хм... Бывали, и часто. Если предполагается какое-то психическое воздействие, то оружия лучше не брать. Мало ли в кого начнешь стрелять с дурной головой.

– Я понял, Сергей Кириллович. Спасибо за консультацию.

Я задумчиво посмотрел ему вслед. Бедный наш Ветров, тяжелая его доля. Что остается пенсионеру, как не рассказывать молодежи о своих былых подвигах. Ан нет, нельзя. А то, что можно – разве это подвиги? Сегодня или завтра он будет делиться воспоминаниями с замешанными от восторга школьниками. Расскажет, как ловили гипнотизера, грабившего сберкассы. Вспомнит, как целый месяц лазили в изолирующих костюмах по побережью моря Росса среди мертвых тюленей и морских леопардов, дезактивируя смертоносный вирус, принесенный на

Землю осколком астероида. Может, даже рассекретит историю казанских близнецов, которые жили в разных концах страны и при этом имели один разум на двоих.

Но не решится он вспомнить, как в самом начале своей работы в Ведомстве, проверяя банальный сигнал о «летающих тарелочках», наткнулся на самую настоящую экспедицию исследователей из двадцать восьмого столетия. Что он увидел и пережил, он так и не смог толком объяснить, и Отдел классификаций напрасно мучился с ним почти два месяца. Не откроет Ветров и то, как был обнаружен интеллект у бродячих кристаллов, найденных под Кемеровом, в скважине на глубине шести с половиной километров. И как сам скрепя сердце командовал взрывом этой шахты, потому что ни в коем случае нельзя было допускать выхода псевдоразумных минералов на поверхность. И уж, конечно, не расскажет наш уважаемый пенсионер про Колонию призраков, обнаруженную водолазами на дне черного омута возле заброшенной деревни где-то под Смоленском.

Про все это Ветров будет молчать, как бы ни хотелось ему похвастаться. Большая часть нашей работы – тайна, которая очень не скоро станет достоянием этого беспечного мира. И в этом трагедия всех пенсионеров Ведомства, ведь даже ветеранам разведки разрешено писать мемуары. Я очень хорошо понимаю скорбь Ветрова. Старики вообще умеют понимать друг друга.

Тут напомнил о себе телефон. Я решил, что это Петя, но ошибся. Звонила Катенька.

– Олечек, привет. Ты занят после обеда?

– Здравствуй, Катенька. После обеда мы занимаемся в спортзале.

– Я Вовку оставила у мамы. Может, ты освободишься пораньше и зайдешь, а?..

КАТЕНЬКА

Пожилые женщины, глядя на нее, красноречиво поджимают губы. Их чувства мне понятны. Глядя на Катеньку, никак нельзя подумать, что она принадлежит к числу завсегдатаев библиотек и хоровых кружков. Она – к своему счастью или несчастью – выглядит по-другому. И поэтому вызывает у благовоспитанных домохозяек чувство враждебности.

Они, наверное, просто ей завидуют. Они считают, что таким, как Катенька, незаслуженно принадлежит мир. Что перед ней сами собой распахиваются самые заветные двери. Что с ней подобострастно говорят продавцы в дорогих салонах и официанты в ресторанах. Что для нее нет неразрешимых проблем – все решают могущественные мужчины, которые выются возле нее полупрозрачным шлейфом.

На самом деле все не так. Но Катенька не дает почти никому шансов догадаться или понять, какова ее настоящая жизнь. И, кстати, в библиотеке она бывает довольно часто, с ней там даже здороваются.

Катенька... Ей – длинноногой, раскованной, вызывающе красивой – больше подошло бы «Катька» или «Катюха». Но я зову ее только Катенькой. У меня на то свои причины.

С тех пор, как она начала работать в банке, мне очень нравится заезжать за ней на работу. Я поднимаюсь по гранитным ступеням, прохожу стеклянные двери, вежливо здороваюсь с охранником и затем набираю четыре цифры на висящем на стене «Панасонике». «Здравствуй, Катенька, я внизу».

Потом сажусь на диван из желтой кожи и жду. Через несколько минут наступает мой триумф. Двери лифта, издав мелодичный сигнал, разъезжаются, и из них выходит она. Цветущая, сияющая, грациозная, она летит, цокая каблукочками, через кассовый зал, заставляя клиентов выворачивать шеи. Я чувствую, я вижу, как приподнимаются оправы их золоченых очков, отодвигаются в стороны кожаные папки, застывают, не дописав строчки, массивные «Паркеры» и «Пеликаны».

А она спешит ко мне. Ко мне! Охранник смотрит на нас дружелюбно. Видимо, я ему нравлюсь, и он не против, что самая красивая девушка учреждения улыбается именно мне. Думаю, если бы к ней приехал какой-нибудь стриженный амбал в покрытом пылью странствий «Паджеро», охранник бы так на него не смотрел.

Через полчаса мы сидим у нее на кухне и что-то едим.

– Как дела на работе? – спрашивает она.

– Завтра уезжаю на день или два.

– Поедешь ловить свои летающие тарелки?

– Катенька, пожалуйста, не уподобляйся всяким дурам. Нет никаких летающих тарелок, я много раз тебе говорил.

– Каким еще дурам? Интересно, кто это еще обсуждал с тобой летающие тарелки?

– Катенька! – я умоляюще смотрю на нее. – Ты же прекрасно знаешь, что я по работе общаюсь с огромной массой разных людей. В том числе и с разными дурами.

– Да ладно... Не будь занудой, Олежек. Нет чтобы мне подыграть и сказать, что никого у тебя нет, кроме меня...

Я пытаюсь резонно возразить, но вовремя спохватываюсь – чтобы снова не быть обвиненным в занудстве.

– А мы в субботу махнем на пикник всем отделом. На теплоходе, представляешь? Кстати, покажешь, как в фотоаппарат пленку зарядить? Я у соседа его взяла, а он ничего толком не объяснил...

– Неси свой аппарат.

Какое это, оказывается, удовольствие – объяснять юному, очаровательному, несмышленому существу, как справиться со сложной техникой. Нужно видеть, как оно хлопает глазенками, кивает, с благодарностью смотрит на тебя – такого умного и опытного во всех областях знаний.

Я верчу в руках старенький потертый «Зенит» и рассказываю, как совмещаются колечки со стрелочками, как срабатывает автоспуск – а Катенька глядит, не понимая ничегошеньки, но все равно кивает и говорит: «Угу, ясно...»

– А я сегодня колготки не купила, – сообщает она, когда вопрос с фотоаппаратом исчерпывает себя. – В «Центральном» классные колготки давали, и в два раза дешевле, чем на рынке. Я пошла, а денег с собой нет. Побежала к девочкам занимать, а тут начальник – куда бежишь? Только после обеда вырвалась – прихожу, а мне говорят: «Девушка, последние десять минут назад продали». Так обидно, не представляешь!

Я улыбаюсь, глядя на нее, потом говорю:

– Никогда не жалею о том, что не удалось. Может, в этот день судьба уберегла тебя от куда более тяжелой неудачи.

Катенька отвечает мне взглядом, полным желчи.

– Ты все-таки зануда, Олежек. На каждое слово у тебя какая-нибудь народная мудрость.

– Ну почему же народная?

– Сколько тебе лет, Бессонов?

– Тридцать.

– Нет. Тебе сто тридцать. Двести тридцать. Ты не просто зануда, а старый зануда. Скажи-ка, у тебя много друзей?

– Мало.

– А знакомых девушек? Только честно.

– Меньше, чем хотелось бы.

– А знаешь, почему?

– Знаю.

– Потому что никто не хочет дружить со старым занудой. Ты красивый, умный, сильный, но ты старый, Олежек.

– Я это знаю, Катенька. Зачем лишний раз напоминать? Я всего лишь хотел сказать, что нельзя так убиваться из-за каких-то колготок.

– Между прочим, очень даже хорошие колготки. Если бы ты жене такие купил...

– Она мне не жена! – довольно резко обрываю я. Пожалуй, слишком резко.

– Извини, – хмурится Катенька.

– Не извиняйся. Я просто напомнил, что Лера мне не жена, вот и все.

– Да. Хорошо. Но, все равно, извини. Наверно, я зря напомнила тебе про жену. Про Надежду.

– Да что вы все извиняетесь?! – я вскакиваю и начинаю кружить по кухне. – Что вы все такие деликатные? Почему ты решила, что мне неприятно вспоминать Надежду? Запомни раз и навсегда: я люблю о ней вспоминать. Мне приятно о ней вспоминать. И я хочу о ней помнить, так что не стесняйся лишний раз назвать ее имя!

Катенька обхватила щеки ладонями, глаза ее подозрительно заблестели.

– Олежек! – умоляюще шепчет она.

Я моментально остываю, сажусь в кресло.

– Прости, Катенька.

– Ничего, Олежек, это я виновата.

Мне не хочется ничего ей объяснять. Хотя сказать можно многое. Вероятно, моя ранняя старость началась в тот день, когда я стоял по одну сторону гроба, а весь остальной мир – по другую. Между нами лежала Надежда. Мои друзья совершенно искренне мне сочувствовали,

вот в чем дело. Они даже подбадривали меня – ничего, мол, жизнь продолжается. Правда, при этом отводили взгляды. Они обещали заходить почаще и полностью сдержали обещание. В первое время их невыносимые визиты происходили почти каждый день. Они приходили, сидели на кухне со скорбными лицами, я наливал им чай... Разговоры не клеились. Про Надежду они стеснялись напоминать, как сейчас Катенька, а все другие темы казались им мелкими по сравнению с моей бедой.

Мои друзья решили, что я умер вместе со своей женой, а в моем теле осталось что-то непонятное, какая-то душа-мумия. Отныне они не рассказывали при мне сальных анекдотов, не хвастали приключениями по женской части. Даже громкий смех в моем доме казался им недопустимым.

Я ничего не говорил, но мысленно орал им: что же вы делаете, сволочи! Не хмурьтесь, не молчите! Таскайте меня по кабакам, заваливайтесь ночью пьяные и веселые, приводите своих нечаянных подружек – не прогоню, не обижусь. Жизнь продолжается, и я хочу жить!

Жизнь продолжается, уверяли они меня на кладбище. Но, видимо, уже знали, что продолжать им придется без меня. Нет, они остались верны мне. Пустят к себе в любое время суток, окажут любую услугу, дадут займы сколько надо денег. Но сами – сами не придут ко мне ни с какими просьбами. Это не дружба. Это шефство.

Почему? Не знаю точно. Сначала думал, что в день похорон я изменился настолько, что стал другим человеком. А потом понял, что они тоже по-своему любили Надежду...

Катенька сидит грустная. Она жалеет, что затеяла этот разговор. Мне хочется ее утешить.

– Катенька! – зову я. – Хочешь, я покажу тебе Зазеркалье?

– Разве я похожа на маленькую девочку, – обиженно говорит она, – чтобы рассказывать мне сказки?

– А разве я похож на сказочника? А ну, вспомни, где я работаю?

Ее глаза мгновенно просыхают и вспыхивают чудесным светом. Она обожает, когда я рассказываю про свою работу. И не упускает случая притворно удивиться – как мог такой зануда, как я, попасть на загадочную и увлекательную службу в Ведомство.

Мы идем в прихожую и останавливаемся перед зеркалом.

– Что ты видишь в нем, Катенька?

– Себя. И тебя.

– Но ты не можешь видеть себя там, потому что ты здесь, рядом со мной.

– Ну, то есть свое отражение.

– Верно. А что такое отражение?

Она с беспомощной улыбкой заглядывает мне в глаза, пытаюсь увидеть там, что за тайну я сейчас ей открою.

– Отражение – это просто картинка на поверхности зеркала, ты согласна?

– Ну... Да.

– А теперь – принеси фотоаппарат.

Катенька улетает в комнату и быстренько возвращается с аппаратом.

– Итак, – говорю я с видом фокусника, – отражение – не более чем картинка на стеклянной плоскости. От нас до плоскости зеркала – примерно полтора метра. Наводим резкость...

Я кручу лимб объектива и через секунду вижу резкое изображение рамы зеркала и нескольких засохших пятнышек лака для волос, прилипших к стеклу.

– Поверхность зеркала – в резкости. Убедись сама, Катенька.

– Да, – она смотрит в глазок «Зенита». – И что?

– А теперь посмотри на свое отражение!

– Та-ак. Ой, нерезко! А почему?

– Да потому, что твое отражение не на поверхности! Оно в глубине зеркала, понимаешь? Оно – в Зазеркалье.

– Здорово! – восхищенно говорит Катенька. – Но почему?

– Не знаю. Мое дело – находить и описывать Явления. А объясняют их совсем другие люди.

– Здорово, – зачарованно повторяет она. – Надо будет Вовке показать.

Вовка – ее сын. Я его от всей души не люблю. Вернее, разлюбил. Раньше это было очаровательное игривое существо, которое постоянно баловалось и шлодило, а будучи застигнутым, с громким визгом и смехом убегало и пряталось под диван или за кресло. Теперь это маленький тиран и скандалист, который умеет только требовать, требовать и требовать... Он не виноват. Это безотцовщина.

...Я возвращаюсь от Катеньки в первом часу ночи. Вот и мой дом. Лера открывает мне дверь и слабо улыбается.

– Я волновалась... Ты на работе задержался?

– Да, – отвечаю я и валюсь спать.

Господи, как же легко я научился ей врать...

ОТЪЕЗД

Меня разбудил кашель дворника, проникший через открытую форточку. Через несколько минут злорадно запищал будильник.

– Сейчас встану, приготовлю завтрак, – пробормотала сквозь сон Лера.

– Спи, я сам, – шепнул я, слезая с кровати.

Город был тихим, пустым и влажным от утреннего тумана. Дворник продолжал покашливать, скребя метлой по асфальту.

Я поставил чайник, умылся и по привычке полез в шкаф за своим серым двубортным пиджаком. Но потом вспомнил, что на сегодняшний день форма одежды другая. И повесил пиджак обратно, бережно стряхнув с него пару невидимых пылинок.

К костюмам я отношусь уважительно. Потому, что это не просто одежда. Это оболочка, дорогой футляр, надежная защита от косых взглядов. Он должен быть безукоризненным, ведь у нас и по сей день принято встречать по одежке. Если вдруг на моем пиджаке появится неаккуратная складка или пятно, то человека, с которым я общаюсь, это может навести на нечаянную мысль о невнимательной жене или плохо убранной кухне с каплями борща на столе, как это бывает у простых людей. Нет и еще раз нет. Сотрудник Ведомства не имеет права быть похожим на обычного человека. Глядя на меня, никто не должен догадаться или даже заподозрить, что у меня дома текут краны и отклеиваются обои. Ведомство выше земных неурядиц. Этой святой цели служат и наши строгие костюмы, и дорогая парфюмерия, и личные парикмахеры.

Но сегодня все иначе. Сегодня я – работяга-геодезист, а значит, нужно надеть линялые армейские штаны, тельняшку, ботинки с ржавыми заклепками. Бриться необязательно. Одеколон – вообще противопоказан. Это дома или в гостях геодезисты могут быть щеголями. А на работе, в глухой деревне, где грязи по уши, запах «Кристиан Диор» может вызвать только дружеский совет окружающих: похмеляться дешевле «Тройным»...

Утренняя прохлада уже начала отступать с городских улиц, прячась в подвалах и щелях между домов. Все чаще сердитыми жуками проносились одинокие машины. Я чувствовал легкую обиду. Хотелось, чтобы подольше город принадлежал только мне и дворникам.

На вокзале не было никакого утра. Его никогда там не бывает из-за круглосуточного режима. Возле огромного стенда с расписанием прохаживался туда-сюда Петька с сумкой за плечом. Я издали узнал его по выгоревшей добела панаме-«афганке», которую он брал с собой, как талисман, в любую загородную поездку – от пикника до спецоперации.

– Привет, Петя. Что такой хмурый?

– А-а... – Петька с досадой махнул рукой. – Полночи не спал – зуб разболелся.

– Мог бы вызвать дежурную машину, тебя отвезли бы в круглосуточную стоматологию.

Все-таки в экспедицию выезжаем.

– Да ладно... Я его анальгином, а потом заснул.

– А где Гришаня?

– Пока не видно. Но, чувствую, уже рядом.

Да, я тоже это чувствовал. И мог легко представить, как наш Гришаня сейчас нервничает, поминутно глядя на часы, мысленно подгоняет троллейбус и шепчет одними губами: «Я уже близко... Подождите, я сейчас буду...»

Самое интересное, что водители действительно поторапливаются, если у них в салоне опаздывающий Гришаня. Назвать это телепатией я не могу по профессиональным соображениям. Феномен Гришани, как и сотен других зарегистрированных аномалов, всесторонне изучен и описан в справках и отчетах экспертиз. Но слова «телепатия» в его личном деле нет, это точно. Телепатия, полтергейст, телекинез – такие понятия не пользуются популярностью в Ведомстве. Слишком все сложно, чтобы называть многообразные и непостижимые Явления

этими расхожими вульгарными словечками. Один знакомый военный, матерый оружейник, как-то жаловался мне, что его прямо-таки корежит, когда люди, увидев любой укороченный автомат, спешат окрестить его «узи». Это то же самое. Нельзя называть «телепатией» высокоорганизованный психофизический феномен, обнаруженный у нашего Гришани.

Гришаня умеет многое. Не только подгонять троллейбусы. Какая из сторон его тайного таланта может понадобиться в сегодняшней поездке, не знают ни он, ни мы с Петей.

– Я не опоздал?

Вот и он сам. В тот момент внештатник сильно смахивал на запыхавшуюся дворнягу: волосы всклокоченные, дыхание тяжелое, разве что язык набок не свесил. Сразу видно, торопился человек.

Ждать больше некого. Петр открыл кошелек, убедился, что билеты на месте, и мы отправились к дизель-поезду, который пыхтящей зеленой змеей развалился вдоль перрона.

Потом мы тряслись на деревянных скамейках и слушали, как трое железнодорожных рабочих в оранжевых жилетах громко спорили, закрывать ли им на сверхурочные работы отдельный наряд или пустить все одной графой.

Вообще людей в вагоне было мало. Неподалеку от нас шуршал газетой пожилой полный господин. После прочтения каждой статьи он сокрушенно качал головой и вздыхал: «Да-а. Да...»

Еще был крепенький круглолицый солдатик, весь обвешанный, как полагается «дембелю», значками, аксельбантами и всякими неуставными декоративными деталями. Он заметно нервничал, энергично крутил головой по сторонам и поглядывал на часы.

– Эй, – позвала его серая старушка с двумя перевязанными сумками. – Ты не Сычевых сын?

– Да! – обрадовался паренек.

– Я и смотрю – знакомый, – с удовлетворением кивнула старушка. И уточнила: – Мать твою фотографию в совхозе показывала. Они тебя только завтра ждут.

– А я пораньше смог, – широко улыбнулся солдатик. – Домой скорее хочется.

– Конечно, – понимающе вздохнула бабуля. – Два года мать не видал.

– Побольше даже. А еще ехать часов пять. Скорей бы уж домой.

– Долго, – согласилась старушка.

– Гришаня, – тихо позвал я. – Сделал бы ты доброе дело.

Внештатник понимающе улыбнулся и перебрался к солдатику. Поговорил с ним немного, невзначай коснулся. Через минуту тот уснул, уронив фуражку на сиденье.

– Мамаша, не забудьте разбудить, когда выходить будете, – предупредил Гришаня старушку.

Та кивнула, ничуть не удивившись происходящему. Гришаня свое дело знает.

Нам уже скоро выходить, а спящий солдатик поедет дальше под присмотром старушки. Гришаня с умилением улыбнулся. Он любит делать людям приятное, но не решается на это без нашего благословения. Это наше воспитание. Иногда мне кажется, что аномалов специально делают нашими сотрудниками, чтоб отбивать охоту к несанкционированным фокусам.

Через полчаса скрипящий и громыхающий «пазик» повез нас из придорожного городка Чернореченска в село Ершово. На ухабах нас так бросало, что приходилось хвататься за сиденья, чтобы не врезаться головой в потолок. В пыльные окна были видны желто-зеленые поля, пересекающие их темные полосы березняков, иногда мелькали крыши ферм, моторных станций и еще каких-то строений, где неизвестные нам люди занимались бог знает чем. Попадающийся по дороге народ всякий раз при виде автобуса останавливался и подолгу смотрел нам вслед, словно видел некую редкость.

В автобусе оказалось шумно. Мы, трое горожан, удивлялись, отчего деревенские могут так громко свободно и весело переговариваться. Унылая и подозрительная полутушина городского общественного транспорта была нам более мила и привычна.

Потом разбитая бетонка кончилась, и автобус покатило по хорошо утопанной колее, окруженной старым орешником. Мы наконец смогли перевести дух.

Петя вспомнил, что надо бы поработать с местным населением, и крикнул, высунувшись в проход:

– Из Ершова есть кто-нибудь?

Шум в салоне стих, все посмотрели на нас.

– А че? – спросил пожелтевший от табака старик с железными зубами.

– Нам в Ершово надо, – пояснил Петр. – Где выходить?

Тут же нашлось несколько желающих толкнуть нас в бок в нужный момент.

– Ершово после Грибова будет. Там мост, потом поворот, и сразу сходить. Я покажу.

– Там магазин сразу у дороги. Сами увидите. Только он не работает. Два года уж не работает. За что только люди деньги получают – непонятно.

– А потом через поле и через речку. Километров, может, семь идти. А может, кто-нибудь подвезет.

– Там еще канава, а в ней кабина от «Кировца» ржавая. Мы покажем.

Контакт был установлен с удивительной легкостью. Через минуту к нам подседа женщина в синем халате и резиновых сапогах. Она поставила у ног ведро, перевязанное белым платком, и внимательно осмотрела нас троих с ног до головы.

– Вы к кому в Ершово?

– Пока ни к кому, – развел руками Петя. – Мы командированные.

– Плотники, что ли?

– Нет, землемеры.

– Что ж там мерить? Вы, наверно, опять насчет плотины?

– Это нам неизвестно, гражданка. Наше дело – произвести замер, а там – хоть плотина, хоть запруда, хоть ДнепроГЭС...

Женщина оглянулась на своих попутчиков и тихо произнесла:

– Можно вас кое-что попросить? Когда в Ершове будете, зайдите к Кузнецовым. Только не к тем, что за огородами живут, а к другим, из крайнего дома. Вы спросите, вам покажут. Там еще третьи Кузнецовы есть, но они дачники, и сейчас их, наверно, нет. А может, и есть. Вы зайдите к другим, они в таком синем доме с самого краю. Там спросите Витю Ряженого и скажите ему, чтоб домой, подлец, ехал. Ведь третий день у них пропадает, – она всплеснула руками, – опять пьянствует, ирод.

Я наострил уши.

– И часто он так загуливает?

Женщина с сомнением посмотрела на меня, словно не знала, отвечать ли на такой личный вопрос.

– Да бывает... – нехотя ответила она. – Но чтоб сразу три дня – такое в первый раз. Обнаглел...

– Так что же вы ругаетесь? А если случилось что?

– Да куда там! Его люди видели. Топает через лес, глаза в куче, никого не узнает...

Мы с Петром переглянулись.

– Передадим, гражданочка, все, как просите, – заверил женщину Петя. – Вы сами давно там не были?

– Где, в Ершове? Делать мне там нечего. Была, может, с месяц назад. А чего?

– Есть там где остановиться? И потом, магазин, столовая какая-нибудь?

Женщина на мгновение задумалась, но тут ей помог крупный загорелый мужчина, сидевший впереди нас.

– Дом пустой есть, – сообщил он. – Тот, где учительница раньше жила. А столовой нет – село-то маленькое. Была столовая, но сейчас не работает.

– Так вы там были? – насел на него Петя.

– Ездил позавчера за досками, только не доехал. Куда-то не туда свернул, пока выезжал – уже вечер. Ну их, думаю, потом съезжу, – он по-свойски усмехнулся нам. – Да я еще под этим делом был...

– Ты понял? – шепнул мне на ухо Петька.

– Тс-с-с...

– В Грибове выходит кто? – крикнул водитель.

– Вам выходить скоро, – напомнил загорелый мужчина.

Перед тем, как вылезти из автобуса, мы прослушали очень подробные объяснения, как нам добираться дальше, но ничего не поняли. Потому что говорили все хором и все по-разному. Впрочем, объяснения не очень-то и нужны были. В сотне метров от дороги зеленел крутолобый «уазик», на котором нам предстояло ехать дальше. Возле него прохаживался дежурный – молодой, незнакомый парень, видимо, из новеньких.

– Как добрались?

– Живы-здоровы, – с готовностью ответил Гришаня.

– Вот и хорошо. Машина готова, можете двигаться. А я пойду, скоро автобус обратно поедет.

Он помялся немного, словно хотел что-то добавить.

– Вы... Вы случайно не знаете, что там такое? – он кивнул на дорогу, по которой нам предстояло уезжать.

– А в чем дело? – переспросил Петр, строго прищурился. Парню должны были заранее объяснить насчет лишних вопросов.

– Да так... – дежурный пожал плечами. – Стою тут с самого утра, и какая-то чертовщина...

– А ну рассказывай все сначала, – потребовал Петя.

– Да нечего рассказывать... Просто... – парень уже и сам пожалел, что начал разговор. – Как расслабишься – сразу будто... будто плывешь.

– И куда плывешь?

– Ну... – он беспомощно развел руками, помотал головой.

– Вернешься на базу – сразу напишешь подробный отчет, – велел ему я. – Очень подробно и очень честно.

– Ясно, – дежурный повернулся и побрел по короткой жесткой траве к дороге, где еще витала поднятая автобусом пыль.

– Гришаня, – позвал я.

Внештатник стоял неподалеку, подняв глаза к небу.

– Птицы, – пробормотал он.

– Где? – не понял Петр.

– Я говорю, птицы, слышите?

– Слышим, – неуверенно ответил Петр. – Чирикают... где-то...

– Где-то, – повторил внештатник. – А должны быть везде. И здесь.

– Говори конкретно, – потребовал я.

Гришаня оторвался от созерцания облаков, пристально посмотрел нам с Петей в глаза.

– Нечисто здесь, – тихо сказал он.

– А парень? – спросил я, мотнув головой в сторону удаляющегося дежурного.

– Парень вроде пока чистый. Да его все равно на базе проверят. А нам еще туда идти.

Мы влезли в машину. Я открыл аптечку и достал три инъектора.

– Ну подумаешь – укол, – проговорил Петя, взвоя свой, – укололся – и пошел.

Он приставил металлическую трубочку к предплечью, и она с сухим щелчком вогнала ему под кожу дозу препарата Z-101.

– Я – за рулем, ладно?

Мы с Гришаней тоже сделали себе по уколу. Машина въехала на бугор, и нам открылось огромное поле, испещренное сетью стежек и тропинок.

– Вот и думай, – проговорил Петя, – по какой ехать?

– Бери прямо посередине, – посоветовал Гришаня.

Через несколько минут мы пересекли поле и оказались в зарослях ивняка. Сквозь поникшие ветви блеснула река. Моста не было, зато имелся наезженный брод. Под колесами забренчали речные камешки.

– Что-то голова у меня тяжелая, – пожаловался Петя. – Наверно, после укола.

– После укола, – сказал я, с подозрением оглядев его, – в голове должно быть чисто, как в больнице.

– Тут нечисто, – вновь заметил Гришаня.

Слова прозвучали тревожно. Вообще Гришаня частенько делал разные замечания и пророчества, всячески демонстрируя свою сверхчеловеческую проницательность. И нельзя было понять, когда он действительно что-то чувствует, а когда корчит из себя заместника Высшего разума. Но сейчас нам стало немножко не по себе.

– Останови-ка машину, – велел я Петьке.

Он вывел «уазик» на пологий «коровий пляж», дернул ручник и вопросительно посмотрел на меня.

– Выкладывай, Гришаня, что тут нечисто?

– Да пока непонятно, – завилал он.

– Говори все начистоту, тебя для этого сюда и взяли. А то поздно будет.

– Ну... Что-то есть. Что-то довольно сильное, и это близко.

– На что похоже? Раньше такое бывало?

– Раньше... Нет вроде.

– Гришаня, перестань юлить! Скажи хотя бы, опасность есть?

– А я почему знаю? И вообще, надо на месте разбираться. Сейчас не о чем и говорить.

За рекой раскинулось широкое кукурузное поле. Дорога проходила между огромных – по два-три метра – стеблей. За машиной клубилась густая пыль, и вся кукуруза была грязная, серая, совсем не такая, как ее рисуют на коробках с хлопьями.

– Поглядите, – пробормотал Петька, прищурился глазами, – вроде кто-то на дороге...

Гришаня первым догадался вытащить из контейнера нивелир, входящий в комплект геодезического инструмента.

– Девочка маленькая, – сообщил он, приложив глаз к окуляру. – Сидит, лепит что-то из земли.

Девочка нас тоже заметила и отошла к обочине, терпеливо ожидая, когда мы проедем. Она была такая загорелая, словно провела всю свою небольшую жизнь на этом прокаленном солнцем поле. Петька остановил машину, пижонски скрипнув тормозами.

– До Ершова по этой дороге доедем? – спросил он у юной аборигенки.

Девочка посмотрела на дорогу, потом на колеса нашей машины.

– Нет, – ответила она с неестественным равнодушием.

– Как?! – ухмыльнулся Петя. – А где ж Ершово?

– Там, – девочка указала на дорогу.

– Так мы туда и едем!

Девочка пожала плечами и слегка улыбнулась. Мне даже показалась, что усмехнулась. И потом снова перевела глаза с наших колес на дорогу. Я проследил за ее взглядом. Метрах

в пяти от бампера машины путь пересекала цепочка одинаковых земляных пирамидок. Они были слеплены с помощью синенькой пластмассовой формочки, которую наша собеседница держала в своей испачканной землей ладошке.

– Не хочет, чтоб мы ломали ее творения, – понимающе шепнул Петька.

Увы, сломать их нам пришлось бы в любом случае. Кукуруза по краям дороги была такая крепкая и густо растущая, что не дала бы нам объехать игрушечный барьерчик. При всем нашем уважении к детскому труду пирамидки обречены были погибнуть под колесами.

– Поехали, – тихо сказал я Петьке. Он с сожалением улыбнулся девочке и включил передачу.

Машина не тронулась с места. Сначала я думал, что Петр просто пробует двигатель на холостых оборотах, но время шло, а мы так и оставались на месте. Петькина нога словно прилипла к педали сцепления.

– Что-то с машиной? – спросил я.

– Эй! – удивленно воскликнул Гришаня, который все умел чувствовать на мгновение раньше меня и любого из нас.

Я посмотрел на Петра. По его виску катились две большие капли пота. Щеки дрожали, будто у штангиста, берущего непомерный вес.

– Да что с тобой?! – я хлопнул его по плечу.

Петя с трудом повернул голову и посмотрел куда-то мимо меня. Белки его глаз покраснели, лоб пересекли несколько морщин.

– Олег, дело нечисто! – тревожно проговорил Гришаня.

Я уже и сам все понял. Первым делом выдернул ключ из замка зажигания. Двигатель кашлянул и заглох. Петр сразу обмяк, отцепился от руля. Я обежал вокруг кабины и начал вытаскивать его наружу. Это было нетрудно – он и сам спешил вылезти. Собственно, он уже был почти в порядке. Только виновато улыбался и вытирал рукавом взмокшие виски. Рядом прыгал обеспокоенный Гришаня с аптечкой на изготовку.

Девочка равнодушно смотрела на нас. Удивительно, но ни единой искры любопытства не сверкнуло в ее глазах.

– Ну, говори, – велел я Петру.

– Не знаю... – он сокрушенно качнул головой. – Не могу ехать – и все. И эта еще смотрит... – он недобро покосился на ребенка.

Гришаня хмыкнул, а затем подошел к девочке и сел перед ней на корточках.

– Как тебя зовут? – ласково спросил он.

Мы украдкой смотрели на них. Я вдруг понял, что у девочки не лицо, а маска. У ребенка не может быть таких равнодушных глаз, это противоречит всем законам природы.

– Дяденька, – спокойно сказала она, – а вы скоро умрете.

Гришаня вскочил как ошпаренный, но быстро взял себя в руки. Вернувшись к нам, он что-то проворчал себе под нос, потом сказал:

– Черт ее знает, что за девчонка. Ничего не понимаю.

И тут меня осенило.

– Петя! Ты сколько ночью анальгина принял?

– Ну... Сначала две таблетки. Потом еще одну утром. А при чем тут?... Ах, черт! – он схватился за голову.

– Вот именно, Петя, – мне оставалось только похлопать его по плечу. – Либо анальгин, либо препарат. Несовместимые продукты, знаешь ли.

Мы беспомощно смотрели друг на друга. Пожалуй, даже испуганно. Ни в моей, ни в Петькиной практике не было такого, чтобы экспедиции целенаправленно мешало что-то необъяснимое. Вернее, необъясненное. Не болезнь, не погода, не поломка в машине, а одно лишь его

величество Нечто. Мы были просто обескуражены. Несмотря даже на то, что вся наша служба состояла из ежедневных напоминаний – «бойтесь, опасайтесь, будьте настороже».

Глядя на нас, пугался и Гришаня. Он вообще до сего дня воспринимал свою работу на Ведомство как приятную и увлекательную игру для взрослых. Мол, бегают люди, что-то ищут, что-то находят – романтика! По правде сказать, и его способности еще ни разу ни в одном деле всерьез ничего не решили. Внештатников обычно использовали как второстепенную вспомогательную силу, не более того.

– Ну и что мне делать? – медленно проговорил Петя. – Обрато возвращаться?

– Думаи сам. Как ты себя чувствуешь, так и поступай. Если не уверен – тогда, конечно, домой, на базу.

Петя ненадолго задумался.

– Нет, – он помотал головой. – Едем дальше. Только за руль больше не сяду. И еще – повторю дозу препарата.

– Это не очень-то полезно для здоровья, – заметил я.

– Ничего, переживу, – он пренебрежительно поморщился и забрал у Гришани аптечку.

Девочка уже утратила к нам интерес и опять занялась размножением земляных пирамидок. Однако, заметив, что я завожу машину, послушно отошла к обочине.

Машина тронулась с места. Я украдкой поглядывал на Петра – не начнется ли у него новый приступ.

И не угадал. Приступ начался у меня.

Это произошло внезапно. Иногда человека посещают необъяснимые мрачные предчувствия. Словно кто-то изнутри говорит ему: не садись в эту машину. Или: не уезжай сегодня в командировку. Это всегда угнетает, даже если человек не суеверный.

Вот такое же ощущение, только возведенное в степень мании, навалилось сейчас и на меня. Я почувствовал, что мне нельзя переезжать заграждение из детских пирамидок. Что там, за ними, – неизвестность, мрак, холод, власть чужих, несчастья, болезни – все худшее, что бывает в мире.

Нечто не хотело пускать меня в свой мир.

Но у меня было преимущество перед Петром. Я был готов к подобному повороту, и я не нейтрализовал препарат анальгином.

Меня бросало то в жар, то в холод, но педаль акселератора я не отпустил. Колеса про-вернулись – раз, другой – и перекатались через ошестинившуюся гряду земляных фигурок. В зеркало я увидел девочку. Она равнодушно смотрела нам вслед.

– Гони отсюда, – глухо проговорил Петька. – Я начинаю вести протокол.

– Давно пора, – ответил я.

Он вынул из-за пазухи диктофон и стал нудно перечислять события, которые мы только что пережили, начиная с поездки в автобусе.

– Послушай меня, – заявил Петр, закончив с протоколом. – Я не уверен, что после всего этого мы должны ехать дальше. Мне тоже очень интересно, что там, но если что-то случится...

– Что ты предлагаешь?

– Надо вызывать бригаду и... В общем, со всеми вытекающими.

– Я думаю, рано. Пока еще ничего страшного не произошло.

В душе я понимал, что Петя отчасти прав. Если мы сейчас откажемся производить разведку без поддержки, нас никто не осудит. Даже наоборот, похвалят за осторожность. Но хотелось сделать все самому. Тем более, действительно, ничего особенного и по-настоящему опасного пока не происходило.

– Может, хоть аппаратуру для экстренного вызова приготовим? – предложил Петр.

– Давай.

– Сейчас. Слушай, а жалко, что нам оружия не дали.

– Начальству виднее.

Я вел машину медленно, ожидая каждую минуту какой-нибудь неприятности. Первый испуг уже прошел, и мы надежно держали свои чувства в узде. Сказалась подготовка. Я помнил, с каким трепетным восторгом в первые месяцы мы слушали опытных экспертов, которые не упускали случая напомнить нам: всегда будьте начеку, опасность может ждать вас в любой точке. Нам казалось, что наша работа мужественна, полна приключений и благородного риска. Жизнь, правда, редко давала повод оправдать эту сверхосторожность, но чувство опасности от нас не ушло, не атрофировалось. Инструкторы постоянно освежали его, приводя живые примеры, давая читать архивные документы, тщательно анализируя все происшествия, где потеря чувства осторожности стоила кому-то жизни или здоровья.

И сейчас, как по приказу, все пройденное ранее всплыло из глубин подсознания, встало на первое место. Мы не паниковали, не ерзали на месте, а лишь спокойно выполняли свою работу.

Наконец из яблоневых зарослей выглянули разноцветные крыши. У Петра в ладони зажглась лампочка диктофона.

– Двенадцать тридцать пять дня. Въезжаем в село Ершово. Улицы безлюдны. Все дома наглухо закрыты. Движемся к центру села со скоростью десять километров в час. Людей, домашних животных, птиц и собак по-прежнему не видно. Продолжаем объезд...

Гришаня, отодвинув стекло, высунулся наружу. Некоторое время он что-то слушал, крутя головой, потом заставил меня заглушить двигатель.

– Слышите?.. Какой-то гомон.

Мы с Петром притихли. Вокруг царило безмолвие, но ветер доносил обрывки странного шума. Нельзя было понять – кричат ли это люди, либо галдят птицы, либо шумит вода. Звук был довольно однородным, но вот к нему прибавилось что-то новое.

– Машина... – неуверенно сказал Петя, поведя ушами. Он взялся за ручку двери, выглянул. – Точно, машина. Сейчас спросим...

Из-за поворота высунул облупленную морду самосвал «ЗИЛ». Петька замахал руками, требуя остановиться. Требование было немедленно выполнено.

– Есть тут у вас сельсовет или правление? – спросил Петр, соблюдая умеренную вежливость.

Шофер – пожилой небритый дядька с блуждающим взором – выглядел довольно озадаченным. Словно у него спросили, где тут Пизанская башня. Мне еще показалось, что он удивлен самому нашему появлению здесь. Почему-то он молчал.

– Ну, так что? – напомнил о себе Петя.

«ЗИЛ» рыкнул и вдруг неожиданно, без всякого предупреждения рванул с места. Петька, морщась от поднятой пыли, влез обратно.

– Похоже, тут у всех мозги набекрень, – раздраженно проговорил он. – Давай-ка поедем за ним.

Ехать за самосвалом в туче поднятой им пыли не было никакого удовольствия, поэтому мы сразу отстали. А через пару минут село кончилось. Петру ничего не удалось добавить к протоколу, кроме встречи со странным «ЗИлом». Ни единой живой души нам так и не попало.

Перед нами вновь стелилось необъятное поле, усеянное коровьими лепешками, как булка маком. Вдали пылил злосчастный самосвал, а еще дальше, на пределе видимости, можно было распознать какие-то технологические постройки – ток или МТС, а может, просто ферму с силосной башней.

Я остановил машину.

– Кто за то, чтоб больше за ним не гоняться?

– Поддерживаю, – сказал Петя.

Я обернулся к Гришане, чтобы узнать и его мнение, но замер, не успев открыть рта. Я понял, что не нужно его беспокоить. Гришаня, казалось, что-то нащупывал, вынюхивал и выглядывал своим врожденным чутьем. Он смотрел в пустоту и нервно мял пальцами брюки.

– Да, – сказал он наконец. – Мы там ничего не найдем. Искать нужно здесь.

– Что искать? – уточнил я, даже не надеясь получить внятный ответ.

Так и вышло.

– Не знаю... Какая-то чертовщина.

– Мы только и делаем, что толкуем про какую-то чертовщину, – вздохнул я. – А до сих пор ничего не узнали.

– Дайте мне аптечку, – отрывисто проговорил внештатник. – Мне нужно еще дозу. Очень тяжело...

Он не кривлялся. Я сразу это понял. И даже начал склоняться к мысли, что Петя прав: надо сматывать удочки и предоставлять все бригаде. Постоянно колоть препарат, перемежая его беседами о некой «чертовщине», мы не могли.

– Давайте объедем деревню вокруг, – предложил Гришаня, выбросив в окошко использованный иньектор. – Оно рядом, я чувствую.

– Ну давайте, – вздохнул я. – Разве мне казенного бензина жалко?

Мы свернули с дороги, обогнули большой двор по едва заметной колее на реденькой травке. Сначала путь наш пролегал через заброшенный яблоневый сад, в центре которого белела какая-то развалина. Затем дорога вывела к бревенчатому мосту, под ним сочился почти невидимый ручей. Отсюда дорога пошла на подъем, и двигатель обиженно заревел. Но я заставил его добросовестно потрудиться, прежде чем наш «уазик» забрался на вершину.

– Гляди! – выкрикнул Петя и хлопнул меня по руке так, что машина вильнула в сторону. Я ударил по тормозам и только потом посмотрел.

И увидел муравейник. Это, конечно, было первое впечатление. Потом-то стало ясно, что муравьи – это люди, не меньше двух сотен работающих людей. Каждый что-то делал – тащил бревно, махал лопатой, катил тачку, разгружал машину или запряженную телегу. Сразу же зарябило в глазах.

В сотне метров от нас, на спуске дороги располагался полукруглый металлический ангар-склад. Вокруг валялось выкинутое из него крестьянское имущество – бочки, мешки с семенами, связки черенков для лопат и грабель, какие-то колеса, доски, ящики.

Но прежде в глаза бросался огромный земляной курган, весь изрытый норами. Он прилегал вплотную к торцу ангара, словно продолжая его. Люди действительно строили муравейник. Каждую минуту подъезжали машины, трактора, подводы, высыпали груды земли и камней, люди таскали их носилками, поднимали на вершину, утрамбовывали. Часть грунта перетаскивалась внутрь ангара – там тоже происходила какая-то работа.

Над стройплощадкой стоял гул – тот самый, который озадачил Гришаню еще по пути сюда. Позже мы заметили, что здесь собрались не только люди, но и собаки, коровы, птицы, и они тоже суетились, тревожно лаяли-кричали-мычали и тоже производили какие-то действия.

Несколько минут мы лишь смотрели, не пытаясь заговорить. В голову не приходило ни единой мысли, которая объяснила бы, что за трудовой подвиг свершается на наших глазах. Насмотревшись вволю, Петр достал из чемоданчика-комплекта видеокамеру.

– Гришаня, – позвал я, не оборачиваясь, – как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – немедленно отозвался он. – А что?

– Нет, ничего, – я удивился, что внештатник ничего не чувствует.

Я продолжал смотреть. Работа сотен людей завораживала. Все было согласовано, упорядочено и напоминало простой, но хорошо отработанный танец, где каждый знает свое место. В реальной жизни я такого не встречал. Даже появилась мысль, что неплохо бы присоединиться

к этим людям, чтобы так же просто и разумно работать, не думая больше ни о чем, воздвигая исполинский муравейник или что-то еще – неважно...

Петя толкнул меня в бок и ядовито сказал:

– У тебя вид, как у комсомольского вожака, вдохновляющего массы на труд и подвиг.

– М-да, пожалуй, – проговорил я, заставляя себя прервать созерцание. – Может, и мне повторить дозу?

– Тебе виднее, – усмехнулся Петя и полез за своим диктофоном.

– Час ноль семь дня. Находимся возле складской постройки. Наблюдаем около двухсот пятидесяти человек, которые... которые...

Он запнулся, не зная какими словами здесь можно обойтись. Я подождал, пока он закончит, похихикал про себя неуклюжим формулировкам, которые он использовал, потом сказал, стараясь сделать интонацию спокойной и обыденной:

– Вы оставайтесь здесь, наблюдайте. Я пошел туда.

– Может, я с тобой? – не очень охотно предложил Гришаня.

– Пока не требуется. Начинаем готовиться.

Подготовка заняла совсем немного времени. Петя привел в рабочее состояние комплект теленаблюдения, а я повесил на воротник видеоглазок и воткнул в ухо крошечный динамик. В груди гулял холодок. Я пытался внушить себе, что ничего особенного не происходит. Просто нужно выйти и спросить у работающих людей дорогу или что-то еще...

– Кстати, о чем собираешься с ними поговорить? – поинтересовался Петя.

– Не знаю еще. Наверно, спрошу, кто из сельсовета.

– Ты уже забыл, что у нас есть прекрасный повод для знакомства? Нас просили зайти к Кузнецовым, только не к тем, которые...

– Я все понял, Петя. Спасибо, что напомнил.

Когда наша уютная верная машина осталась позади, я почувствовал себя еще более некомфортно. Петя с Гришаней сочувственно смотрели мне вслед сквозь пыльное лобовое стекло.

Я неторопливо пошел вперед, стараясь выглядеть непринужденным. Вскоре я уже приблизился настолько, что стал различать обрывки разговоров. Странно, но разговоры были самые обыкновенные – «подай, принеси, позови...». И люди выглядели вполне обычно. Вот полная женщина в цветастом платье и фартуке нагружает грунтом носилки, иногда вытирая подолом пот с лица. Вот кудрявый парень сбивает из досок какие-то рамы. Некоторые перекуривали. Все было буднично, обыкновенно, но вместе с тем – как в дурном сне. Я даже мгновение колебался. Может, мы зря так разволновались? Может, в селах уже давно принято не сеять, не пахать, не выращивать коров и свиней, а воздвигать всем миром курганы-муравейники?

– Как ты там? – прозудел в наушнике Петя.

– Здоров, – лаконично ответил я.

– Поправь глазок – на экране одно только небо.

Я уже находился среди людей. Было неудобно чувствовать себя единственным празднующим среди этой энергичной трудовой армии. На меня иногда искоса посматривали, но взгляды не задерживали. Я подошел к худощавой рыжеволосой девушке, которая в поте лица укрепляла склон кургана булыжниками. Я не случайно подошел именно к ней: обычно я вызываю у молодых девушек расположение и желание помочь.

– Здравствуй. Устала?

Она повернула ко мне лицо, и тут я понял, что она не просто устала, а совершенно измощена. Грязь покрывала кожу серой маской, взгляд пустой, как небо, движения тяжелые, порывистые, из последних сил. Казалось, она несколько дней не спала и не ела. Возможно, так оно и было.

– Что? – она смотрела равнодушно. Как администратор гостиницы на командированного.

– Мне нужно найти Кузнецовых. Тех, что живут в крайнем доме.

– Здесь остались только одни Кузнецовы. Поищи там, – она кивнула на железный ангар и потеряла ко мне интерес.

Петя в наушнике глупо посмеялся, что не везет нам сегодня на женщин, но я не ответил.

Большие железные двери были распахнуты. Внутри пахло землей. Я увидел совсем рядом покатый земляной вал, укрепленный камнями и бревнами, в котором чернели несколько нор в человеческий рост. Высокая худая старуха монотонно водила метлой по бетонному полу, присыпанному землей и мелкими камешками.

– Мне Кузнецовы нужны, – громко сказал я.

Старуха остановилась. Перевела дыхание. Вытерла лоб, щеки, шею. Только после этого указала на одну из нор.

– Подумай хорошенько, – предостерег Петя.

– Отстань, – тихо ответил я.

Я шагнул внутрь и сразу потонул во мраке. Но ненадолго, потому что глаза подозрительно быстро привыкли к темноте, и я начал различать очертания стен. Позже мне стало казаться, что светятся сами стены тоннеля.

Я шел очень медленно, после каждого шага прислушиваясь. И по бокам, и сверху, и снизу чернели какие-то отверстия, выходы в другие тоннели. Дважды из них выныривали неясные фигуры, и я сжимался в комок, ожидая разоблачения. Но всякий раз мне просто уступали дорогу, не говоря ни слова.

Петр еще не раз предлагал мне одуматься и вернуться обратно. Но я уже почти перестал бояться. Мне стали попадаться небольшие круглые помещения, освещенные несколько лучше, чем коридор. Обычно они были пусты, но в некоторых я видел женщин, размазывающих по стенам какую-то слизь.

Потом мне преградила дорогу большая тень. Я мигом понял, что без объяснения не обойтись.

– Я ищу Кузнецовых.

Тень отступила, пропуская меня в освещенный круглый зал. Я взглянул – и понял, что теряю чувство реальности.

Я увидел какие-то дымящиеся лужи, груды мелких камней, огромные хлопья плесени, а над ними – несколько неестественно розовых обнаженных тел, висящих под потолком. Они держались в путанице каких-то корней, веревок и клоков соломы. Они шевелились.

– Впечатляет, – услышал я в наушнике. Петьке, сидящему в уютной кабине перед экраном, было невдомек, какие чувства я сейчас испытывал.

Я повернулся и пошел прочь, напряженный, как сжатая пружина. Я гадал, что сейчас произойдет. Полетит ли мне в спину топор, обрушится ли на голову дубина? Подвесьт ли меня под потолок или просто замуруют в земляную стену – я допускал все, что угодно.

Но все обошлось. Через пару минут я вышел на свет. Потом мы сидели втроем в кабине «уазика» и задумчиво молчали.

– Вызываем бригаду, – сказал я наконец.

– Давно пора, – с облегчением ответил Петр.

Гришаня протянул нам чемоданчик с аппаратурой. Разговор с базой был коротким. Дежурный принял сообщение, уточнил, есть ли жертвы и какова степень опасности, а потом велел нам выбрать место для посадки вертолетов и поставить спутниковые маяки.

Место мы нашли без труда. В полукилометре от человеческого муравейника находился небольшой скошенный луг, огороженный со всех сторон старым березняком. Мы перекусили и начали вытаскивать коробки с маяками.

Гришаня сначала помогал нам, но при этом что-то бормотал и постоянно отвлекался. Наконец он вообще ушел, ничего не объяснив, и мы не стали его задерживать. Вскоре пять

тяжелых алюминиевых шаров со стеклянными вставками были развезены и установлены по окружности луга на равных расстояниях друг от друга.

Мы с Петром уже собрались завалиться на травку и допить квас, привезенный с собой, как вдруг подбежал взъерошенный и взволнованный внештатник.

– Я нашел! Я нашел его! – с ходу закричал он.

Мы, конечно, сразу побежали за Гришаней. Но, как это часто бывало, шум оказался преждевременным. Внештатник вывел нас на середину луга и остановился.

– Здесь.

Мы с Петей переглянулись и одновременно устало вздохнули.

– Что «здесь»?

– Понимаете... Не знаю, как объяснить, но это здесь, – он от волнения даже начал ковырять землю носком ботинка. – Тут какой-то поток, центр... Черт побери, вы не понимаете, а я это чувствую. Здесь надо еще работать.

– Гришаня, – назидательно заговорил Петр, – сейчас прибудет бригада и начнет работать. Здесь прекрасно обойдутся и без нас.

– Да неужели будем ждать бригаду?! – внештатник был исполнен досады. – Вам лень, что ли? Я и сам могу заняться.

– Ну, занимайся, – пожал плечами Петя. – Бери комплекты, проверяй, замеряй, анализируй.

В тот момент мы с Петькой были убеждены, что наша задача выполнена. Делать что-то еще бессмысленно. И поэтому мы с чистой совестью повернулись и ушли к машине. До прибытия вертолетов у нас оставалось какое-то время и хотелось провести его с пользой для себя. Мы разделись до пояса и улеглись на траве, предоставив усталому послеобеденному солнцу разбираться с нашей бледной городской кожей. Внештатник возился где-то рядом, мы не обращали на него внимания.

– Знаешь, я сегодня испытал давно забытые чувства, – сказал Петр. – Страх и удивление.

– Я тоже. Но, может, ты заметил, не успели мы как следует удивиться, как все опять стало рутиной. Интересно, в кого нас превратит эта работа лет через двадцать?

– Да ладно тебе... Нормальная работа. Кстати, а как ты попал в Ведомство?

– Позвали в гости какие-то малознакомые люди. В компании оказался Директор. Говорил со мной почти час. Ну и... Вот так.

– Я примерно так же. Знаешь, мне тогда показалось, что вечеринка была организована только для нас с Директором.

– И мне так казалось, – согласился я. – До сих пор думаю, что все было подстроено.

– Здорово все-таки... – мечтательно вздохнул Петр. – Жизнь на сто восемьдесят повернулась. Пиджаки, машины, оружие, тренировки. А я – только из армии. Знакомые на меня смотрели, как на первого космонавта, гордились. У тебя тоже так было?

– Было. Зато теперь эти знакомые куда-то подевались. И в гости звать как-то перестали, и просто поговорить не останавливаются. Может, они меня боятся?

– И у меня та же история. Знакомых полно, а даже выпить иногда не с кем. Друзья остались только старые, еще со школы.

Петька замолчал, потом начал что-то тихо насвистывать.

– Вообще многие в друзья набиваются, когда узнают, кто я, – вновь заговорил он. – Но друзьями так и не становятся. Улыбаются, охают, ахают, с разговорами лезут.

– Про летающие тарелки спрашивают, верно?

– Только о них и спрашивают. Ну, еще про Тунгусский метеорит, – с досадой проговорил Петр. – А однажды так меня разозлили с этими тарелками. Был как-то в гостях, а там одна дамочка – губки бантиком, глазки фонариками... Ну, дура дурой, представляешь? И вот она,

как узнала про меня, так и зашебетала: «А, это вы за летающими тарелочками гоняетесь?» Представляешь, какова гадина?

– Не принимай близко к сердцу, – от души посоветовал я.

– Да как же не принимать, Олег?! Ты же сам знаешь, чем нам приходится заниматься. Помнишь, в радиоактивную шахту спускались? А прыгающие камни помнишь? Все-таки хоть и не часто, но рискуем! А эта дура – «за летающими тарелочками гоняетесь».

– Это еще что, – усмехнулся я. – Мне как-то раз звонят по внутренней линии и спрашивают: «Вы порчу снимаете?»

Петька расхохотался, забыв разом свои обиды на мир. Тут подошел внештатник. – Ерунда эти ваши комплекты, – недовольно пробормотал он. – Ничего стоящего нет.

Я открыл глаза. Гришаня держал в руках несколько пучков травы и полиэтиленовый мешок с какими-то камешками.

– Ты колдовством решил его взять?

– Да при чем тут колдовство? Имеются у меня методы... У нас вода чистая есть?

– Поищи в машине, – сказал Петька. – Там должна быть канистра с водой для радиатора.

– А лучше бы с нами лег позагорать, – добавил я. – Когда еще за город выберешься?

– Когда надо, тогда и выберусь. А банки трехлитровой нет? Ну, ладно, сойдет и канистра.

Я перевернулся на живот и стал безучастно наблюдать, как Гришаня реализует какой-то безумный проект. Он разжигал костер, взбалтывал воду в канистре, что-то растворял в ней.

– Может, они правы?

– Ты о чем? – удивился Петр.

– Я о тех, кто считает нас ловцами зеленых человечков.

Петя выдержал подозрительную паузу.

– Я что-то не очень понимаю...

– А как еще относиться к нам, если любой псих может прийти, объявить себя космическим пришельцем, и при этом он будет внимательно выслушан и подвергнут изучению?

– Ну... Так положено, а иногда это оправдывает себя. Послушай, сдается мне, ты копаешь под собственную хату. Неужели тебе служба надоела?

– Да нет, не надоела, но... Петя, я не вижу цели. Мы с тобой служим огромной и непостижимой организации. Сектор биологии, Сектор геофизики, Сектор человека, Сектор атмосферы – и везде работают люди, много людей, каждый что-то делает, для чего-то нужен. В одном только Секторе информации пятьдесят человек листают газеты и слушают радиопереговоры... А что в итоге? Вся эта людская масса напрягает мозги, мотается по стране и миру, иногда даже рискует жизнью только для того, чтобы найти Явление – и тут же его засекретить.

– Но... Так положено. Вообще, я об этом никогда не думал.

– Еще бы... Директор умеет внушить, что мы все делаем правильно, абсолютно правильно. У него под рукой всегда десяток аргументов нашей необходимости и незаменимости. Послушаешь его – и хочется памятник себе поставить. А если разобраться, от тебя лично, Петя, была хоть раз людям конкретная польза?

– Ну, ты скажешь тоже, – фыркнул Петр. – А ну вспомни хотя бы Блуждающую линзу, которая жгла тайгу под Новосибирском.

– Как же, помню. Нашли ее метеорологи, уничтожили ракетчики. А мы что сделали?

– Как?! Мы ее со всех сторон изучили и дали рекомендации всем этим ракетчикам...

– И что? Кто-то узнал, чем на самом деле была эта Линза?

– А зачем? Ну хорошо. А вот вспомни еще...

– Не нужно, Петя. Я тоже знаю кучу положительных примеров. Но все равно, наша главная цель – прятать и закрывать. И только этому мы посвящаем жизнь.

Петр удивленно посмотрел на меня. Он даже приподнялся, чтоб лучше меня видеть.

– Олег... Неужели тебе совсем не нравится такая работа?

– Нравится. Как такая работа может не нравиться? Но, понимаешь... Выхода из нее нет. Зачем работаю – не знаю. Зачем живу... Семьи у меня нет, сам знаешь. И ничего у меня нет.

– Э-э-э... – понимающе протянул Петя. – Масштабно ты стал мыслить. Сдается мне, Олжек, ты должен пообщаться с нашим психологом.

– Скорей уж с психиатром. Да что толку? Поговорит он со мной, вникнет, а после вернется к своим детям, к своим диссертациям. А я останусь, где был.

Было видно, что Петя от чистой души мне сочувствует и силится что-то посоветовать. Да только не мог он мне помочь, при всем своем желании и доброте. Потому что нельзя вот так, на ходу, придумать, как изменить жизнь.

Я так и не узнал, какая спасительная мысль зрела в его голове, потому что в следующую секунду мы услышали душераздирающий крик внештатника.

Мы вскочили. Гришаня несся к нам со всех ног, подпрыгивая и оборачиваясь. Позади дымился костер.

Мы с Петькой, не сговариваясь, бросились ему навстречу.

– Оно шевелится! Оно оживает! – голосил Гришаня, хватаясь за нас.

Мы не знали, что делать – спасаться или успокаивать нашего товарища, которому от переутомления что-то показалось.

– Вы мне не верите! – вопил Гришаня. – Идите, смотрите сами, там земля шевелится в трех местах, и трава, и кочки!

– Успокойся, Гришаня, сейчас все проверим, – я попытался перекричать его.

Но тут Петр судорожно схватил меня за руку.

– Смотри!

Я обернулся. В центре луга, там, где только что копался со своими склянками внештатник, поднималась земля. Она вспухала большим подрагивающим пузырем, и головешки костра сыпались с него, разбрасывая искры и клубы пепла.

Мы, все трое, оцепенели. Конечно, по всем правилам и инструкциям нам следовало сейчас же прыгать в машину и рвать когти, но... Ни одна инструкция почему-то не напомнила о себе.

Смотреть на оживающую землю было жутко. Но и оторваться невозможно. Холм уже достиг размера легкового автомобиля и начал растрескиваться, а мы по-прежнему не могли стронуться с места. Даже внештатник замолк... Это необходимо было увидеть – сейчас, а не в записи и не в виде компьютерной модели.

И вдруг произошел прорыв. Один миг – и все изменилось. За этот миг я ничего не успел толком рассмотреть. Показалось, что назревающий земляной волдырь лопнул – и из него вырвалось темное мутное пятно или облако размером с самолет-«кукурузник», а из десятка мест вокруг – другие, очень похожие комки мути, размером поменьше, но соединенные с центром путаницей каких-то жил или кишок, и все это невообразимое сооружение рвануло в небо, бросив на нас вал земли и камней.

Запомнилось еще, как мозг пронзила тысяча молний и как жалобно вскрикнул Гришаня, прежде чем наступила тьма...

ПРОБЛЕСК

– Побейте его по щекам. Обычно помогает...

Я понял, что побить собираются меня. И рефлекторно выставил вперед руки, защищая лицо. Лишь потом открыл глаза.

– Очнулся, – сказал молодой худощавый доктор. И ушел из поля зрения, прошуршав голубым одноразовым халатом.

Надо мной колыхалось полотно палатки. Снаружи доносились голоса, звуки работающих машин, хриплый клекот радиопереговоров.

– Не вставайте, пожалуйста, – прозвучал женский голос. Я скосил глаза и увидел медсестру с изготовленным к работе шприцем. Не успел я и глазом моргнуть, как она воткнула иглу прямо мне в пятку. Мне еще ни разу не делали уколы в пятку. Я и представить себе не мог, что это так больно.

– Голова не болит?

Я не знал, что ответить. Болела только пятка, в которой побывала стальная колючка, а с головой происходили какие-то иные процессы, которые не укладывались в простое понятие «болит – не болит».

– Можно, я встану?

– Даже нужно.

Подняться удалось без труда. Немного кружилась голова, но это почти не мешало. Доктор и сестра оценивающе смотрели на меня, следя, не свалюсь ли я с первым же шагом.

Ничего подобного. Я чувствовал себя довольно бодро. Постояв немного и убедившись, что ноги меня слушаются, я взял да и вышел из палатки. Медицинская братия восприняла это как должное.

Зеленый луг, на котором мы так беззаботно загорали, напоминал теперь полигон для бомбометания. Почва была вздыблена и вывернута наизнанку, перекрученный дерн громоздился небольшими горными хребтами. Тут и там мелькали оранжевые комбинезоны экспертов, поблескивали приборы в их руках. Бригада уже вовсю работала.

Вскоре я нашел Петьку. Он сидел, привалившись спиной к походному бензогенератору, безучастно наблюдая за работами. Заметив меня, он махнул рукой куда-то в сторону.

– Там дают горячий чай.

– Не хочется, – ответил я. – Что начальство говорит?

– Да ничего... Попытались меня допросить, но ничего не добились. Мне не очень хочется сейчас разговаривать. Начальник бригады в вагончике, они там наши кассеты просматривают.

– А Гришаня?

– Его уже увезли в город. Он что-то никак в себя не мог прийти. Но вроде опасности нет. Надо и нам по домам разбежаться. Пойдем, доложимся начальнику, он обещал дать машину до города.

– Полностью тебя поддерживаю. На работу завтра будем выходить?

– Как хочешь. Я, пока не выплусь, никуда не пойду. Почему-то жутко спать хочется. Доктора сказали, что все в порядке, просто отдохнуть нужно.

Он подкрепил свои слова широким зевком. Только теперь я заметил несколько ссадин у него на лице.

– Петя, а что, у меня такая же исцарапанная физиономия?

Он посмотрел на меня, махнул рукой.

– Нормальная. А вот у Гришани фонарь под глазом. Ему не повезло...

* * *

...Мы подъезжали к городу вместе с сумерками. Мне так лень было доставать ключи, что я стучал в дверь, пока Лерка не открыла.

– Никакого ужина, – сразу сказал я. – В душ – и спать.

Лера очень понятливая и никогда не станет допытывать расспросами. Когда я выбрался из ванной комнаты, постель была уже приготовлена. Я завалился в нее и почувствовал, как напряжено тело. Хорошо бы сейчас сто грамм для снятия стресса. Жаль, не держу дома спиртного.

Через минуту Лера принесла кружку чая и бутерброд с моим баварским сыром. Умница. Чувствует, что ужинать я отказался только от усталости, а на самом деле голоден, как волк. Надо будет завтра обнять ее, сказать что-нибудь хорошее. Она так это любит. Не забыть бы только. Скорее всего забуду, как всегда.

– Олежек, – я увидел, что она очень смущена. – У меня туфли совсем протерлись. А я как раз нашла недорогие. Мне половину денег мама дала, а остальные я, если можно...

– Нет, нельзя, – остановил я ее. Затем поставил пустую кружку на пол и свалился на подушку, на лету закрывая глаза. – Завтра отдашь маме ее половину, потом возьмешь в моем столе деньги и купишь все, что надо.

– Мне только туфли, – обрадовалась Лера. – Я как раз нашла дешевые, хорошие...

– Не надо «дешевые хорошие». Купи просто хорошие, – я уже начал засыпать. – Все, я сплю. И ты ложись.

– Сейчас лягу, только рубашки достаю.

Она погладила меня по руке и вышла. Я услышал, как плещется вода в ванной. Лера стирала мне рубашки. Надо будет все-таки похвалить ее завтра.

Я часто ловлю себя на мысли, что несправедливо равнодушен к ней. Я почти не замечаю женщины, которая ждет меня допоздна над кастрюлями с остывшим ужином, которая встает на час раньше, чтоб приготовить завтрак и почистить мне ботинки, бегаем с тяжелыми сумками по магазинам, избавляя меня от всяких домашних проблем. Которая, наконец, просто любит меня – искренне и бескорыстно.

А между тем, я обязан ей не только завтраками и всегда чистыми рубашками.

Через некоторое время после гибели Надежды я остался совсем один. Это произошло, когда всем надоело приходить ко мне. Странно, но до этого я даже не предполагал, каким мучительным может быть одиночество. Человек-одиночка представлялся мне независимой, немного загадочной фигурой со своим тайным миром. Оказалось, что фигура эта вовсе не загадочная, а просто жалкая, и ничего более. Это я узнал по себе.

Одиночество навалилось на меня во всей своей неприглядности. Я не хотел возвращаться домой после работы. А возвращаясь, трепетно заглядывал в почтовый ящик – вдруг там какая-нибудь весточка из внешнего мира? Но ящик обычно был пуст. Я поднимался по лестнице, чтобы взглянуть на дверь – может, кто-то оставил в ней записку? Может, кто-то вспомнил наконец обо мне и кому-то я оказался нужен?

Но и записок не было. Никто обо мне не вспоминал.

Дома я включал погромче телевизор, чтобы разогнать вязкую застойную тишину, и жарил картошку или яичницу. Выглядывая в окно, видел стариков, играющих в домино, и завидовал им.

Я даже боялся засиживаться в туалете – вдруг позвонят в дверь, а я не успею добежать и открыть.

Но в мою дверь никто не звонил. А если и звонили, то это оказывались либо вечно спешащие женщины из ЖЭУ, либо какие-то беженцы с просьбой дать денег или колбаски.

А потом появилась Лера.

Оказалось, мы учились в одной школе, только она была на класс старше. Все эти годы я, конечно, каждый день видел ее, но видел каким-то боковым зрением, и Лера в моей памяти почти не отложилась.

Уже после школы мы как-то раз случайно увиделись с ней в одной компании и после этого стали здороваться. Просто слегка кивали друг другу при встречах. Эти встречи были частыми, потому что мы по-прежнему жили в одном районе. Но это ничего не изменило. В моей жизни ее по-прежнему не было.

Потом произошло несчастье с Надеждой. С тех пор я стал здороваться с Лерой куда более тепло и приветливо. Я в ту пору особенно остро ценил своих знакомых – и близких, и далеких, и случайных. Однажды мы заговорили друг с другом на автобусной остановке. Потом нашелся какой-то повод вместе зайти ко мне. И все. Как-то незаметно, легко, естественно она заполнила мой опустевший дом. И осталась в нем.

Я стал охотнее возвращаться туда. А потом Лера с огромной радостью узнала, что я, оказывается, не против, если к нам будут заходить ее подружки. В моем жилище наконец-то снова зазвучали живые голоса и смех. Одним словом, стеклянный шар, отделивший меня от мира людей, дал трещину...

Гораздо позже от одной из ее подружек я узнал под большим секретом, что неприметная угловатая девочка Лера еще в восьмом классе влюбилась в мальчика Олега, который был на целый год ее младше. А так как в силу различных причин выйти замуж ей не удалось, детская влюбленность непостижимым образом выжила и дождалась своего часа.

И еще не раз в стремительно бегущем потоке времени и дел я останавливался и задумывался. Я ведь должен быть по гроб ей благодарен. Я должен хотя бы иногда показывать ей это. В такие минуты мне хотелось подарить Лере огромный букет. Или пойти вместе с ней в магазин и просто так, без повода, купить самый роскошный наряд.

Но все забывалось, все выветривалось, все откладывалось на потом. А Лера продолжала все так же стирать, готовить, заботиться, любить, ничего не требуя взамен. Я был рядом – этого было достаточно.

...Посреди ночи я вдруг проснулся. Лера сидела около и пристально вглядывалась мне в лицо.

– Олежек... Что случилось?

– Что? – переспросил я, медленно вырываясь из мира снов.

– Ты почему плачешь? Ты уже целый час плачешь!

– Плачу?

Я вскочил. Сна как не бывало. Потрогал лицо – глаза и щеки оказались мокрыми. Я был поражен: я не плакал уже много лет, я не выдавил из себя ни слезинки, даже когда навсегда прощался с единственной любимой женщиной.

И тут меня посетило странное чувство. Оно появилось ниоткуда, сжало сердце холодными тонкими пальчиками, подержало совсем немного – и ускользнуло прочь.

– Подожди, – пробормотал я, поднимаясь с кровати. – Не ходи за мной.

Лера – умница. Она не пошла, хотя, я это знал, ей очень хотелось быть сейчас рядом. Я включил свет на кухне, уселся на холодную табуретку. Уши сдавила удушливая ночная тишина, ее не разгоняло даже шипение прохудившегося водопроводного крана.

Что это было? Я пытался вернуть в памяти и расшифровать посетившее меня необычное состояние. Я был уверен, это не пережиток дурного сновидения, а что-то совсем другое...

Немного тоски, немного бессилия, немного ласкового тепла от какого-то ускользящего воспоминания. Маленькая скоротечная трагедия...

Я продолжал сидеть, поджав мерзнущие ноги, глядя на равнодушно белую поверхность холодильника. Шипел кран. Горела желтая лампочка над головой. Попытки разобраться в себе

ничего не давали. Я был убежден только в одном: что-то во мне изменилось, порвалась некая ниточка или лопнула скорлупа, хранившая нечто важное, бесконечно далекое и дорогое.

Утро вечера мудренее, решил я наконец. И отправился спать. Свет уличного фонаря отразился в открытых глазах Леры. Вот ведь дуреха, не уснет, пока я не успокоюсь.

Я устроился поудобнее, закрыл глаза. И тут... Вот оно! Я увидел то, что тайком выжидало в бездне подсознания, оно наконец выглянуло из мрака, показало свой маленький кусочек.

У меня заколотилось сердце, а все остальные части тела онемели, словно бы сейчас решалось – жизнь или смерть.

Не сошел ли я с ума?

...Пронзительно синее небо. До горизонта – степь, покрытая редкой бледно-зеленой травкой. Где-то рядом водоем – блики играют на стенах приземистых строений с круглыми крышами. Все настолько яркое, реальное, полное мелочей и деталей, словно я сижу перед телевизором, а не лежу с закрытыми глазами на кровати.

Я не выдержал и открыл их. Видение растаяло.

– Не спишь? – прошептала Лера.

– С чего ты взяла?

– Слышу, как ты дышишь.

Я повернулся на бок, закопался в одеяло, чтобы меня было не видно и не слышно.

Через минуту картинка вернулась. Теперь она принесла с собой шум ветра и даже запахи. Я почувствовал, что могу шагнуть в нее из темноты своей спальни, словно на ярко освещенную сцену. Каждую секунду рождались новые подробности и ощущения, и вскоре я уже чувствовал даже солнечное тепло на лице.

Но смотреть на степь быстро надоело. Что, если попробовать повернуться? Там, кажется, должен быть такой длинный прямой пруд, похожий больше на канал с песчаными берегами. Мы вечно бегали туда купаться и нырять с пушки. Да, именно с пушки!

Стоп! Боже праведный, откуда я все это знаю? Откуда это взялось в моей бедной голове?!!

Ответа не было. Одна половинка моего существа была сейчас там, другая же ощущала спиной складки горячей простыни.

Итак, пушка. Огромная, ржавая, она наклонно торчит, нависая над водой. Вероятно, когда-то это был не пруд, а ее ложе, в которое она пряталась после ратной работы. Может, это и не пушка вовсе, а просто какая-то труба... Теперь механизм забился землей и камнями. А мы соревновались – кто выше заберется по темному шершавому стволу и прыгнет в воду...

Откуда это? А ведь можно повернуть голову еще дальше – и увидеть город!

Беспорядочное, на первый взгляд, скопление невысоких зданий с круглыми крышами. Можно войти в него и побродить...

Едва лишь я попытался это сделать, все кончилось. Словно выдернули шнур из розетки.

В эту ночь мне удалось уснуть с большим трудом.

ОТКРОВЕНИЯ

На следующий день я был на работе едва ли не раньше всех. О законном праве на отдых после экспедиции нечего было и думать. Необходимо повидаться с Петром, прежде чем нас начнут крутить аналитики.

Но, придя в кабинет, я час или полтора простоял у окна, не в силах оторваться от воспоминаний о своих ночных видениях. Их стало значительно больше, хотя по-прежнему они были непонятны и беспорядочны.

Я видел угловатые серебристые машины, что со свистом взлетали и садились где-то на окраине города. Мелькали какие-то лица – то радостные, то искаженные ужасом. Разливалось на горизонте море синего огня, закрывая горную гряду. Разверзались трещины, в которые уходили целые улицы. Много было и других непонятных и необъяснимых образов.

Я так и не смог себе ответить – что это было? Сны? Но сны после пробуждения забываются и ускользают. А тут все наоборот – я стою у окна и вспоминаю все новые и новые детали, подробности, лица, даже голоса.

Воспоминания? В моей жизни не было ничего этого, даже пруда с огромной ржавой пушкой. Я хорошо помнил свое детство. В нем была старинная школа из красного кирпича с залитыми водой подвалами. Была скамеечка во дворе, где старшие ребята делились с нами, малышкой, своими хулиганскими мыслями и историями. Много чего я мог вспомнить, но не было в моем прошлом стальных машин, уносящихся вдаль стремительными стаями. Не было огня, клубящегося над горами.

В конце концов, до предела измотав себя размышлениями, я повернул ключ и вышел из кабинета.

И почти немедленно был схвачен за рукав какой-то малознакомой особой из Сектора классификаций. Оказалось, Гришаня проигнорировал правило о протоколировании исследований и записи вчерашних событий на лугу не существует. Теперь эксперты надеялись восстановить хоть что-то по нашим рассказам. С одной лишь целью: сопоставить признаки и дать ответ – чем было вчерашнее Нечто. Или зафиксировать его как вновь открытое Явление.

Интересно, как они его назовут. Мнемозавр? Или Гипнодок? Скорее всего просто – Ершовский феномен. Как бы там ни было, меня это мало волнует. Собственные проблемы куда важнее.

Я пообещал зайти, как освобожусь, и отправился искать Петра. Пользоваться телефоном не хотелось – такие разговоры следует вести с глаза на глаз.

Дверь в Петькин кабинет оказалась заперта, я постучал. Мне открыли не сразу. Мы встретились взглядами – и сразу все друг про друга поняли. Поговорить нам, без сомнения, стоило.

– Выйдем на крышу? – предложил Петр.

Вертолетная площадка была пуста. Гигантская буква Н в белом круге блестела, как новая – позавчерашний дождь смыл с нее всю пыль, а новая еще не залетела на высоту в шесть этажей. Мы подошли к краю крыши, облокотились о перила. Очень удобно разговаривать на краю крыши, если не хочется смотреть собеседнику в глаза. Всегда можно сделать вид, что глядишь вниз, ведь там столько всего.

– Кто первый рассказывает? – проговорил Петя, словно предлагал выбирать водящего в детской игре.

– Ты.

– Хорошо. Ну, что... До дома вчера добрался нормально. Лег спать. Начала сниться какая-то ерунда, а потом...

– Какая ерунда? – прервал я его.

– Да ну... Полная чушь. Не хочу и рассказывать.

– Петя, это важно.

– Ну хорошо, хорошо, – он сделал мученическое лицо и закатил глаза, словно бы с трудом вспоминая. – Снилось, будто идем мы с тобой... или не с тобой – не помню. Одним словом, идем по траве, по полю. Впереди – деревня. Красивая такая, домики уютные, крепенькие – как игрушки. Идем, а сзади семенит какой-то... Мне почему-то показалось, японец. Маленький, чернявенький, в белом халате. Бежит, хватает за руки, норовит что-то сказать. Я отмахиваюсь, прибавляю шаг, а он не отстает. Наконец забегает вперед, руки расставляет, и мы, так и быть, останавливаемся. И тут... Я не очень понял, как это получилось... Он, этот японец, как будто бы берет за край деревни – и отодвигает в сторону. Словно шторы отдернул, представляешь? А там – за этими «шторами» – рычаги, пружины, шестеренки – чего только нет! Ну... собственно, и все.

– М-да... – только и сказал я.

– Я же говорил – чушь, – виновато развел руками Петька. – Но это только цветочки. Я после такого дела проснулся, минут пять провалялся, удивленный, – и опять уснул. Самое-то жуткое утром началось. Помнишь, у меня дома целая стенка фотографий? Еще от бабки с дедом остались. Я просыпаюсь, смотрю на одну. Там мой дед с тремя офицерами. Они тогда в Праге были, после войны. Всю жизнь смотрел на эту карточку, привык к ней, как к обоям. А тут вдруг что-то во мне дрогнуло. Зову свою маманю с кухни и спрашиваю: вот этого майора, слева от деда, Николаем зовут? Она говорит, да, дядя Коля. Она ведь тоже с дедом в Праге жила, он там долго был и всю семью туда перевез. Матери моей тогда лет четырнадцать исполнилось, она всех дедовых друзей помнит.

– Петя, – не выдержал я, – все-таки что странного в том, что дедушкиного товарища звали дядей Колей?

– Да странно то, что я об этом знаю! Я ведь вживую не видел его никогда. Ты дальше слушай. Я с матерью утром полчаса перед этими фотографиями стоял. Там масса людей, про которых я никогда ничего не знал, не спрашивал, потому что они мне были неинтересны. И вдруг выясняется, что я про каждого что-то знаю! У одного дочка завмагом стала, другого машиной задавило, третий дом какой-то продал... Скажи, откуда это взялось? А ведь это еще не все. Отошел я от фотографий, двинул на работу, а в голове – то одно, то другое. Столько всякого мусора в мыслях, ты себе не представишь...

– Мусора, говоришь? Ну почему же? Представлю.

Петька пристально посмотрел на меня.

– А ну, выкладывай, – велел он.

– Может, сначала ты договоришь?

– Собственно, я уже договорил...

Я кратко поведал Петьке о своих видениях. Рассказал все честно, ничего не утаивая. Даже про ночные слезы не умолчал. Он слушал меня, и было видно, что надежд разобраться по горячим следам остается все меньше. Все только запуталось.

– Мы серьезно влипли, Олег, – сказал он.

– Это неизвестно, – я покачал головой. – Надо еще разобраться.

– Все известно! Ты хоть понимаешь, что мы немедленно должны обо всем доложить начальству?

– Доложим. Не первый раз. Сделают нам тесты, экспертизы – на амнезию, на шизофрению, на еще какую-нибудь дрянь, разберутся, что опасности мы не представляем. Лично я никаких других изменений в себе не чувствую.

– Нет, Олег, ты так ничего и не понял. Скажи, ты согласен, что после того, как это ершовское чудовище ударило нам по мозгам, у нас открылось какое-то шестое чувство? Ну посуди сам – раз я по фотоснимкам могу определять имена и биографии...

– Ты – да. А что со мной – еще неясно.

– Да все тут ясно, Олег! Знаешь, кто теперь мы с тобой? – он даже понизил голос. – Мы – аномалы! Дошло?

– Аномалы... – я словно бы попробовал это слово на вкус. Вкус показался горьковатым.

– Именно! Мы не можем оставаться штатными экспертами Ведомства. В лучшем случае – консультантами, внештатниками, – продолжал Петя. – Отныне мы с тобой – все равно что следователь с тремя судимостями.

– Нет, подожди, не торопись, – попытался протестовать я. – Может, это временно. Может, оно как-то...

Петя фыркнул.

– Не веди себя, как чуть-чуть беременная девушка. «Может быть, оно рассосется» – ты это хотел сказать?

– Петя, – я попытался его успокоить, – давай не будем пока ничего докладывать. Давай сами попробуем разобраться.

– Да? И как ты думаешь разбираться?

– Не знаю еще. Надо думать. Ты сам-то как считаешь, что это? Гиперзрение, сенсорная память... что?

– Нет, Олег, – Петя вдруг стал сосредоточенным и спокойным. – Это не сенсорная память. Это остаточная структурная память.

– Структурная... – начал было я, и тут же екнуло сердце. – Как ты сказал?!

– Видишь ли... Я заметил, что не только фотографии вызывают у меня разные мысли и догадки. Пока еще разобраться трудно, в голове мешанина... Дело в том, что я вспоминаю даже те события, в которых мои родители не участвовали, и никаких предметов, связанных с ними, у нас нет. Эти вещи происходили до того, как они родились. Мне кажется, что покопайся я еще в своих мозгах, вспомню и царя-батюшку, и ледовое побоище, и еще бог знает что. Я вспоминаю то, что видели и помнили все мои предки, понимаешь?

Петя говорил, не замечая, что я уже не очень-то его слушаю. Я стоял, вцепившись пальцами в ограждение крыши, и безучастно смотрел в какую-то далекую даль, которую не разглядишь ни с одним телескопом.

– Петя! – я повернулся и невольно схватил его за пиджак. – Послушай меня, Петя, если ты вспоминаешь и войну, и царя, и татаро-монгольское иго, то что тогда со мной? Что вспоминаю я, ответь мне!

Петр запнулся на полуслове и замер с открытым ртом. До него дошло.

ДОЗНАНИЕ

Не знаю, сколько бы мы простояли, глядя друг на друга, если б на крыше не появился Виталик Седых – эксперт из дежурной смены. Вид у него был утомленный, галстук расслаблен.

– Еле вас нашел, – сказал он. Заметив, что мы пребываем в некоем странном оцепенении, он слегка встревожился. – Вы чего, ребята?

– Ничего, – медленно проговорил Петя. – Просто... разговариваем.

– Понятно, – Седых почти успокоился. – Вы еще не в курсе?

– О чем ты?

– Значит, не в курсе... Внештатник ваш... этот... Гришаня. Руки он на себя наложил.

– Что?! – мы с Петром так резко развернулись, что Виталик невольно попятился.

– Я только что оттуда, – сообщил он. – Страшное дело. Он разбил себе голову о батарею. В квартире такой кавардак, словно стадо носорогов в жмурки поиграло. Он рехнулся, это точно.

– Как рехнулся? – проговорил я. – Слушай, а это точно, что он... сам?

– Абсолютно, – махнул рукой Седых. – На криминал первым делом проверили – и мы, и потом милиция... Дверь изнутри на два замка закрыта. Все чисто. Он сам это сделал.

Мы с Петей переглянулись и некоторое время молчали. Виталик смотрел на нас удивленно. Видимо, мы как-то не так себя вели.

– Постой, а если дверь, говоришь, была закрыта, то как узнали?

– Не стройте из себя детективов. Все очень просто – у него дом углом стоит, и из соседнего окна видна кухня. Утром соседи увидели, что подоконник весь в крови. Ну и...

Мы снова переглянулись.

– Ладно, пойду, – сказал Виталик. – Да, вот еще! Директор хотел, чтоб вы зашли, как отдохнете.

– Зачем? – испуганно спросил Петр.

– Ну как? Доложить, конечно.

Он повернулся и пошел усталой размеренной походкой человека, честно отработавшего свой хлеб. Я смотрел на него и думал: сейчас он вперед нас доложит о двух психах на крыше, которые вздрагивают, тарашатся друг на друга, того и гляди сами спрыгнут.

– Олег, мы должны все рассказать, – обреченно проговорил Петя.

– Боишься, вслед за Гришаней отправимся?

– Я сейчас всего боюсь. И, знаешь, даже тебя.

– Не бойся. Гришаня – натура чувствительная, да и препарата он принял меньше, чем мы. Вот и не выдержал. Давай пока повременим с докладом. Хотя бы до завтра. Мы должны сами попытаться понять что-то, прежде чем в нас начнут копать другие.

– Понимаю твое состояние. Но мне действительно не по себе.

– Как говорила моя бабушка, если страшно – возьми палку.

– Ну хорошо, – вздохнул Петя. – Считаю, договорились. Сегодня у нас все равно выходной, а завтра – прямо с утра встречаемся и идем к шефу. Боюсь, расколется он нас, сразу поймет, что темним. Ну да ладно.

Мы пошли вниз. На лестнице я встретил группу веселых шумных ребят из какого-то смежного сектора. Каждый тащил автомат или карабин, наверно, возвращались со стрельбища. Мне пришла в голову неожиданная мысль. Отдадут ли мне теперь мой пистолет? Вообще, состоим ли еще мы с Петькой в списках Ведомства, доверяют ли нам по-прежнему, или отныне все кончено?

Я зашел в лифт, спустился в Хранилище. В оружейку меня пустили беспрекословно. Я протянул в окошко карточку, и через минуту мой пистолет лежал передо мной. Все прошло,

как обычно – без задержек, без уточняющих звонков и недоверчивых взглядов. Я почувствовал холодную испарину. Черт возьми, кажется, я стал неврастеником...

Однако пистолет мне отдали, значит, я еще свой в этих стенах.

Я уже знал, куда сейчас поеду. Уже три года я поддерживаю отношения с одним человеком. Его зовут Роман Петрович, ему около семидесяти. За нашу дружбу меня на работе по головке бы не погладили, это точно. По всем правилам, я обязан был сразу завести на него наблюдательное дело, разослать по секторам поручения и в конце концов оформить и поставить на учет как аномала. Со всеми вытекающими. С надомным контролем, ежемесячными проверками, с тестами и исследованиями.

Но я этого не сделал. Просто не смог себя заставить. Как милицейский опер оставляет один из конфискованных у бандитов пистолетов себе «на черный день», так и я приберег Романа Петровича для себя. Это мой личный внештатник. Про него не знает никто. На него не заведена ни одна бумажка.

Я нашел его случайно. Однажды по какому-то мелкому делу мне пришлось побывать в комнате находок на железнодорожном вокзале. Узнав, кто я есть, сотрудницы сначала забросали меня вопросами о Бермудском треугольнике, а потом сказали: кстати, есть интересная история. Я настроился слушать заурядную байку про какую-нибудь старуху с «дурным глазом», но они поведали про Романа Петровича.

Дело было так. Однажды какой-то большой начальник заявил об утере папки с важными документами. Настолько важными, что он даже организовал объявления на стенах, где обещал награду нашедшему.

Через день появился интеллигентный старик с той самой папкой. Забрал вознаграждение, тепло попрощался со всеми и удалился.

Вскоре история повторилась. У кого-то из пассажиров пропал чемодан, в котором оказались две очень дорогие старые иконы. Вновь было объявлено вознаграждение. Опять появился наш герой и сообщил, по какому адресу находится чемодан, а где искать иконы. Возвращали все это с милицией. Позже выяснилось, чемодан был просто украден привокзальной шпаной. Роман Петрович получил свой гонорар и больше не появлялся.

Я, не питая иллюзий, все-таки проверил историю на подлинность. Установил адрес человека, узнал кое-что, как говорится, по своим каналам. И выяснил, что после этого Роман Петрович уже трижды находил в разных районах города краденые машины. Но делал это только в тех случаях, где фигурировало вознаграждение. Так он зарабатывал себе на жизнь.

Мы познакомились. Он оказался милейшим и обаятельнейшим стариканом с аристократическими манерами. Даже узнав, кто я такой, и догадываясь о грозящих ему переменах в жизни, он не изменил доброго отношения ко мне. Я не захотел сдавать его Ведомству. Мы иногда встречались, много разговаривали. Он был начитанным и умным человеком, я мог получить у него ответ почти на любой вопрос или хотя бы хорошо обсудить свою проблему и сделать верные выводы. А такая нужда у меня была нередко.

Потом он нашел, как лечить какую-то гормональную болезнь у одной из Леркиных подруг, благодаря чему та похудела на тридцать килограммов и вышла наконец замуж.

С той поры я твердо решил – Роман Петрович будет моим и только моим агентом.

...Я приехал к нему на обычном троллейбусе. Время было послеобеденное, мне зверски хотелось есть. Но я был так поглощен собой, что не удосужился зайти даже в столовую. Роман Петрович открыл дверь и, как всегда, тепло улыбнулся. Поздоровался, пригласил в дом.

Я вошел. В нос сразу ударила смесь запахов лекарств, химических препаратов, растворителя, каких-то сухих трав, прокисших настоев и еще бог знает чего. Эти ароматы не выветриваются отсюда никогда. У Романа Петровича очень чистая, уютная, ухоженная квартирка. Но есть в ней одно грязное отвратительное место – кухня. Таков же и сам Роман Петрович. На фоне всех его прекрасных черт выделяется качество, с которым трудно смириться.

Роман Петрович – полинаркоман.

Как он сам считает, вся та дрянь, что он достает, варит, нюхает, глотает и колет – единственный смысл его жизни. Так как лишь наркотики дают ему силу видеть мир Настоящим зрением. «Настоящее зрение» – его собственный термин. Он открыл его у себя только после сорока лет.

Свою кухню Роман Петрович превратил в лабораторию. Там он варит маковую соломку, выращивает кристаллы, пропитывает сигареты, осаждаёт свои пакостные порошки. Там всегда грязь и вонь, почерневшие алюминиевые тарелки, закопченные кастрюли, покрытые черным налетом черпаки, липкие столы и подоконники.

Если бы у меня был сын и я задался целью заранее отвадить его от наркотиков, я привел бы его сюда. Здесь все становится понятным без слов.

Не знаю, что будет с Романом Петровичем дальше. Уже сейчас ему трудно скрывать дрожь в пальцах, мгновенные, но нередкие помутнения рассудка, рассеянность, сонливость. Я удивляюсь, почему только теперь стал замечать это, ведь, по моим прикидкам, Роман Петрович живет «под кайфом» уже семнадцать лет.

– Роман Петрович, мне нужна ваша помощь, – сказал я, едва переступив порог.

Он посмотрел на меня долгим задумчивым взглядом.

– Что ж, – он пожал плечами. – Я уже заинтригован.

– Почему? Разве раньше я не приходил за помощью?

– Раньше? Это другое дело. Раньше, Олег, вы обращались ко мне как к товарищу. А сейчас, я вижу, вы в смятении и ждете от меня помощи совсем другого рода. Не исключено, даже покровительства. Я прав?

– Еще не знаю.

– Присаживайтесь. Что случилось?

Я опустил на краешек кресла, собрался с мыслями. Они путались, напоздали одна на другую и все больше походили на банальности из плохого романа: «помогите себя понять», «как выбраться» и так далее. Я решил оставить эмоции при себе и держаться официально.

– Роман Петрович, вы знаете, где я работаю. Вчера я и двое моих товарищей приняли участие в экспедиции в зону ранее неизученного природного явления, – тихо проговорил я. Мой собеседник спокойно кивнул. – Мы подверглись, судя по всему, какому-то психологическому удару. Один из нас после этого даже покончил с собой. У него, кстати... Он был такой, как вы, Роман Петрович. С нами же стали происходить странные вещи. Моего товарища посещают видения остаточной памяти. Он знает то, что видели и испытали его предки. Я тоже вижу некие картины, но такие, которых не было ни в моей жизни, ни в жизни моих предков. Уверен в этом. Я вспоминаю... или просто вижу какой-то другой мир. И знаете... Мне кажется, я не чужой там.

Я замолчал, речь выходила довольно путаной.

– Что-нибудь еще? – поинтересовался Роман Петрович.

– Не знаю... наверно, это все. Вы можете увидеть то, что недоступно ни одному медицинскому прибору. Завтра нас, оставшихся в живых, начнут изучать и тестировать. Каков бы ни был результат, мне вряд ли скажут правду. Поэтому я хочу понять сам, что же со мной происходит. Я надеюсь, вы мне поможете.

– Это интересно, Олег. Очень хочу вас посмотреть. Ну а если я не смогу ничего увидеть? Просто боюсь вас разочаровать.

– Бояться нужно мне, а не вам. Не удивлюсь, если вы скажете, что я просто рехнулся.

– Не думаю, Олег. Что ж, я готов вас посмотреть. Это будет не очень приятная процедура. Вы сами-то уже настроились?

– Конечно, я за этим и пришел, – по правде, я чувствовал себя перепуганным школьником в кабинете у стоматолога.

– Заодно испытаю новую композицию. Очень, знаете ли, сильная штука. Возможно, как раз она-то нам и поможет.

Я терпеть не мог, когда этот уважаемый мною человек начинал расхваливать свои поганые снадобья. Но не стал ничего говорить, даже не нахмурился. Спорить было глупо.

Старик ушел на кухню, позвенел там склянками, пошуршал бумажными пакетами. Он вернулся, бережно неся в руках потускневший мельхиоровый подносик. На нем были с величайшей аккуратностью разложены стеклянные трубочки, чистые тампоны, баночки, флаконы и еще какие-то неизвестные мне средства и приспособления, с помощью которых Роман Петрович вызывал в себе сверхчеловеческую способность видеть.

– Успокойтесь, Олег, – сказал он, колдуя над подносом. – Успокойтесь и расслабьтесь. Мне так будет легче.

Он отрезал два кусочка пластыря, присыпал их серым порошком из шкатулки, приклеил на переносицу и лоб. Потом свернул в трубочку кружок фильтровальной бумаги, протолкнул в него заранее пропитанный чем-то тампон. Трубочку вставил себе в ноздрю, вторую закрыл пальцем и несколько раз сильно вдохнул, задерживая выдох. Посидел несколько секунд с закрытыми глазами, размеренно дыша, а напоследок открыл крошечный флакон с мутным раствором, окунул в него иглу от шприца и, морщась от боли, уколол себя в шею.

После этого откинулся в кресле, не открывая глаз.

– Подождите еще немного, Олег. Сейчас начнет действовать.

Я ждал. Это было неприятное ожидание. Потом Роман Петрович открыл глаза. Я посмотрел в них – и у меня по спине побежали мурашки. Это были не глаза. Я видел два непостижимых, неземных существа, живущих совершенно отдельно от бестолкового и обременительного человеческого тела. Они не принадлежали материальному миру, они явились из каких-то запредельных сфер, где существуют законы, которые никому из смертных не суждено будет постичь никогда.

Они пронизывали меня насквозь. Я испытывал такое потрясение, которое не смогло бы вызвать у меня самое жуткое и отталкивающее человеческое уродство или увечье. Потому что в человеке все должно быть человеческим. Даже протез выглядел бы более привычно, так как создан человеческим разумом.

Мне стало страшно наедине с этими глазами. Именно наедине, потому что сам Роман Петрович сейчас отсутствовал. Неизвестно, где он был: может, стал маленькой безвольной частицей своих глаз-чудовищ, а возможно, они изгнали его в неизвестные пространства или измерения, где его примитивные человеческие проявления не мешают великому таинству Настоящего зрения.

– Расслабьтесь, Олег, – спокойно произнес старик. – И не бойтесь ничего. Я себя полностью контролирую.

Я с облегчением выдохнул и действительно расслабился. Мне захотелось понаблюдать за лицом Романа Петровича. Оказалось, оно не превратилось в неподвижную базальтовую маску, как виделось мне сначала. Оно было изменчиво и отображало то тревогу, то заинтересованность, то едва заметную насмешку. Я сидел перед стариком, чувствуя себя прозрачным, как медуза. Он видел меня всего и знал обо мне все. Это продолжалось, наверно, с полчаса.

Сеанс кончился неожиданно. Роман Петрович просто тряхнул головой, несколько раз глубоко вдохнул и содрал пластырь с переносицы. Некоторое время он устало сидел, опустив голову. Я изнывал от нетерпения, но молчал.

– Олег, – тихо произнес старик и поднял на меня глаза. Они были красными и слезились. – Я не знаю, что сказать.

– Вы... ничего не увидели? – осторожно спросил я, не торопясь разочаровываться.

– Видел. Я видел бездну, понимаете?

– Нет.

– Каждый человек – чаша, а вы – бездна.

– Я все равно не понимаю. Бездна – это пустота, ее нельзя увидеть. Так что вы видели,

Роман Петрович?

Он протяжно вздохнул и снова опустил голову.

– Нет таких слов, чтобы это описать, – медленно проговорил он. – Могу сказать только одно – все это настоящее. Это не бред, не сумасшествие.

– «Это»... – повторил я, пробуя слово на вкус. – Но откуда оно во мне?

Старик покачал головой.

– Ищите сами, Олег. Здесь я не помощник.

– Ясно, – сказал я, вставая.

Роман Петрович вскинул на меня глаза.

– Найдите это обязательно! Докопайтесь до самого истока, оно стоит того. Знаете, я очень хотел бы посмотреть и вашего товарища, чтоб сравнить...

– Это невозможно, – с сожалением сказал я, надевая ботинки. Я торопился уйти. Старик мало что прояснил, но убедил, что происходящие во мне процессы – не бред, не болезнь и не игра воображения. Мне необходимо было сейчас побыть с самим собой. Роман Петрович открыл дверь и не закрывал ее, глядя, как я спускаюсь по лестнице.

– Олег! – крикнул он, и я остановился. – Не мучайте себя размышлениями. Ответ на все вопросы сам найдет вас, только запаситесь терпением, – голос его вдруг стал глухим и слабым. – Олег, я завидую вам. Прощайте.

ПРОРЫВ

И снова ночь принесла свидание с моей сокровенной тайной. В одиннадцать я лег и довольно спокойно спал часа два или три.

Потом перед глазами замелькали цветные пятна, и меня будто подбросило. Я заворочался, разбудив Лерку, открыл глаза. Все было спокойно. Тикали часы, капал кран на кухне.

Я снова лег – и провалился в воспоминания. Трудно было понять, сплю я или нет, казалось, что в любой момент я могу оторваться от созерцания плывущих перед глазами картин и вернуться в реальность.

Картины были великолепными. Яркие, детальные, отчетливые. Местами они, правда, не совпадали, и логические стыки между ними частенько отсутствовали. Но всякое воспоминание таково.

...Огромное каменное поле уходит к горизонту. Если долго смотреть на него, стараясь не слышать никаких звуков, то начинает казаться, что в мире нет ничего, кроме этой равнины – и тебя в ней. В такие минуты сердце покалывает от мимолетного ощущения покинутости. Но за спиной город с круглыми крышами. Достаточно повернуть голову – и ты среди людей.

Однако мне не нужен город. Я – маленький беззаботный мальчишка. Я смотрю во все глаза туда, где небо смыкается с равниной. Там – глубокая синева без облаков, и на ее фоне – неровная гряда далеких гор. Я смотрю туда, приложив ладонь к глазам, и томлюсь неизвестным ожиданием.

И вот что-то меняется. В однородно-синем небе мелькает россыпь темных точек. Я срываюсь с места и бегу им навстречу, радостно крича и размахивая руками. Точки приближаются, увеличиваются, и я пытаюсь их пересчитать, но ничего не выходит – они все время движутся, меняются местами. Но я и так вижу, что все в порядке, все на месте, а если бы не хватало хоть одной – я бы сразу заметил это без подсчетов.

Это уже не точки. Теперь понятно, что над раскаленной равниной стремительно несутся легкие серебристые истребители с длинными носами-спицами. Они со свистом проносятся над моей головой, разворачиваются и снижаются у окраины города, где стоят несколько длинных приземистых строений. Там сразу становится многолюдно, шумно и весело. Один из истребителей – мой! Он отделяется от остальных и, сделав торжественный круг над моей головой, опускается совсем рядом. Стеклокабина раскрывается, подобно раковине, на покрытый трещинами грунт спрыгивает высокий веселый человек в комбинезоне, перетянутом широким поясом, хватая меня на руки...

Дальше – провал. В памяти обрывки неясных разговоров, мелькание коричневых скал внизу, за стеклом кабины... Я вдруг осознаю, что сам веду истребитель. Я сам держу штурвал и осторожно надавливаю на педали. Это совсем просто, отец лишь чуть-чуть помогает мне... Отец? А ведь человек в комбинезоне – и в самом деле мой отец. И как только я понимаю это – новая волна воспоминаний обрушивается на меня, новые картины, новые лица, голоса... Но я не могу сейчас сосредоточиться на этом. Потому что мои глаза, и руки, и голова заняты управлением самолетом. Это несложно, однако требует внимания.

И снова провал. Снова какой-то разговор, мне не удается уловить его суть, хотя некоторые слова кажутся понятными. Скалы все так же сливаются в серо-коричневую пелену под крыльями истребителя, перемежаясь иногда бурлящими среди камней речками или клочками равнины, засаженной ровными рядами деревьев. Временное помутнение, и вот – новая картина.

Мы над городом. Истребитель ведет отец. Он сосредоточен и очень серьезен, он что-то рассказывает мне, но я по-прежнему не могу понять большую часть слов.

Под нами – круглые крыши, неподвижные кроны деревьев. Повсюду почему-то валяется цветное тряпье. На пыльных улицах блестящие лужи и большие сальные пятна. Сначала кажется, что в городе ни души. Но вот мы опускаемся ниже, и мне становится виден человек, ползущий между домами. Он хватается пальцами за камни мостовой, подтягивает свое тело, а затем замирает, собираясь с новыми силами. Чуть позже я нахожу взглядом и других людей. Некоторые просто лежат, раскинув руки, некоторые неподвижно сидят, привалившись к стенам и деревьям. Трудно понять, жив ли кто-то из них.

И вдруг я понимаю, что тряпки, лежащие рядом с сальными пятнами, – это одежда. А сами пятна – это... люди. То, что от них осталось. Пятна и лужи. Меня мутит. Отец продолжает говорить – тихо, монотонно, непонятно...

Дальше – словно трещина в памяти. Мешанина звуков, движений, эмоций. И вдруг я вижу небо. Линия горизонта то появляется, то исчезает из поля зрения. Наконец становится ясно, что истребитель мчится, выделявая лихие виражи. Что-то случилось. Я вцепился в кресло, отец молчит, заставляя машину лететь вперед по сложной траектории. В какой-то момент мы меняем направление полета, и я успеваю увидеть причину нашей паники.

Огромная черная клякса катится по небу, полыхая пятнами голубого света. Во второй раз мне удается получше разглядеть это, и становится ясно, что оно похоже скорее на паука, чем на кляксу. На исполинского механического паука – на правильном шестиугольном теле шесть одинаковых изломанных лап-отростков.

Через равные промежутки времени наш истребитель вздрагивает, и от него с шипением отделяются большие сверкающие звезды, которые уносятся в стороны и гаснут где-то за пределами поля зрения. Я понимаю, что мы стреляем, но почему вбок, а не в черного паука?

Меня начинает трясти, я хватаю отца за руку. И с ужасом понимаю, что вместо его крепких упругих мышц моя ладонь натывается на что-то мягкое, похожее на плохо надутый воздушный шарик. В это время с нашим истребителем начинают происходить странные вещи. Он то свистит, то кашляет и опускается все ниже, закручиваясь, как волчок. Я боюсь повернуть голову и посмотреть на отца – вместо него на соседнем кресле растекается ручейками крови и жира страшная неподвижная кукла.

Затем удар, скрежет, запах гари и кислоты. Картина начинает меркнуть. Я успеваю понять, что бегу по острым серым камням, вокруг темнеют скалы, в одной из них ветер и песок проделали большую дыру, превратив ее в поставленный набок бублик, а сверху меня накрывает шестиугольная громада с изогнутыми лапами. Я кричу, закрываюсь руками, и во всем мире нет места, где я мог бы спрятаться от черной гибели...

И вдруг все кончилось. Как будто порвалась киноплёнка. Я вскочил, тяжело дыша и тараща глаза в темноту.

Тут же раздался жалобный голос Леры.

– Олежек, что с тобой? Я уже вторую ночь не сплю, милый, ты то стонешь, то кричишь, то плачешь... Что с тобой?

– Что со мной? – повторил я. – Если бы я сам знал. Сколько времени?

– Третий час.

– Я ухожу.

– Боже мой! Олежек...

Мысли были холодными и тяжелыми. Разгадка рядом – я не сомневался. Что-то произошло, открылась какая-то маленькая дверочка во мне, и за ней была разгадка. Главное – потопиться. Не думать ни о чем – и в путь. Я торжествовал как художник перед незаконченным, но уже состоявшимся полотном.

– Ты надолго уходишь? – робко спросила Лера.

– Не знаю. Наверно, да. Помоги собраться.

Я делал привычные вещи – ставил чайник, доставал из шкафа одежду, рассовывал по карманам предметы повседневной экипировки, подтягивал кобуру, но мысленно был уже в дороге, уже планировал, продумывал маршрут, считал, как выиграть во времени.

– Может, не пойдешь? – тихо сказала Лера, нарезаая хлеб. – Ночь ведь.

Я не ответил. Мне было не до этого. Сердце подпрыгивало от нетерпения, я даже толком не позавтракал. Наконец-то я все узнаю, наконец разберусь и успокоюсь...

– Олежек, приходи скорее! – крикнула Лера, когда я уже бежал к лифту...

БЕГСТВО

Ваэропорту, несмотря на ночное время, было шумно и оживленно. Я пробился к дежурному, показал свою карточку и объяснил, что мне нужно. Тот порылся в распечатках, сделал пару звонков и сообщил, что может посадить меня на транспортный самолет, но нужно торопиться – он вот-вот взлетит. Правда, добавил дежурный, сидеть придется на ящиках. Меня это устраивало.

Я оказался один в огромном грузовом отсеке. Мы летели чуть больше часа, и все это время я изнывал от нетерпения. После приземления я едва дождался остановки винтов и помчался к стоянке такси. Пользоваться своим положением и брать машину у администрации аэропорта или милиции мне не хотелось.

Уже понемногу светало. Я смотрел через стекло машины и совершенно ничего не узнавал, однако объяснил водителю, что мне нужно за город, и даже указал направление. Я знал, что в нужный момент чутье подскажет, где остановиться. Водитель посматривал на меня несколько удивленно. Наверно, он впервые вез пассажира, который не знает, куда ему нужно.

Чутье не подвело. Едва за очередным поворотом показался двойной изгиб реки, похожий на цифру 5, я понял, что цель близка.

Я велел таксисту остановиться, бросил на сиденье несколько смятых купюр и вышел на пустынную дорогу, ограниченную с обеих сторон плотной стеной ельника. На подозрительный взгляд, которым проводил меня водитель, я не обратил ровно никакого внимания.

Машина уехала. Я простоял в тишине, может, минуту, собираясь с мыслями. Собственно, никаких мыслей и не было. Меня вело лишь какое-то смутное воспоминание, настолько хрупкое и тонкое, что оно вот-вот могло порваться и оставить меня в рассеянности и недоумении: какого черта я оказался здесь, в сотнях километров от дома, совершенно один.

Но воспоминание не отпускало, и ежеминутно моя уверенность только крепла. Я на верном пути. После сеанса у Романа Петровича я вообще решил внимательнее и серьезнее относиться ко всем сигналам сердца.

Наконец я сдвинулся с места. Решительно повернулся и шагнул в плотные еловые ветки, устроив себе душ из холодной росы. Насчет направления у меня не возникло никаких сомнений.

Мой дорогой и красивый костюм довольно быстро утратил свой торжественный вид, а галстук я вообще снял и, скомкав, сунул в карман. Вскоре начало хлюпать в ботинках, от холода застучали зубы. День еще не разгорелся, тем более здесь, среди плотно стоящих деревьев.

Скоро я наткнулся на старую, редко посещаемую дорогу. Для меня это был знак того, что идти осталось немного. Может, две-три сотни шагов.

Развалины старинной усадьбы я увидел издалека. Они громоздились посреди большой поляны, окруженные обломками кирпичной кладки, прогнившими, вросшими в землю бревнами, зарослями крапивы, а также множеством пустых бутылок, бумажек и прочего человеческого мусора.

Я остановился, жадно разглядывая потемневшие от времени стены из красного кирпича. Это и была моя цель на сегодня. Я несколько раз обошел вокруг старого, всеми позабытого жилища, коснулся пальцами холодных камней, заглянул в окна. Внутри все было, конечно, загажено. Но меня это не очень интересовало.

Вход в подвал прятался под пышным кустом бузины. Он был такой узкий, что я собрал на свой пиджак массу грязи, когда протискивался в него. Еще грязнее было внутри. Под ногами чавкало, на лицо липла паутина или хлопья пыли. Я зажег фонарик. Луч выхватил из темноты слежавшиеся кучи древнего мусора и останки большой собаки, нашедшей здесь свой последний приют.

Я прикрепил фонарик на карман пиджака, подобрал половинку кирпича и начал простукивать стены, сложенные из небольших прямоугольных камней. Один из них под моим ударом дрогнул. Тогда я достал свой складной нож, открыл лезвие-отвертку и начал расшатывать камень. Лезвие быстро сломалось. Но и камень не устоял. Со звонким шлепком он упал в грязь у моих ног. На его месте открылась черная дыра, из которой тянуло неожиданно сухим и теплым воздухом. Запах оттуда шел незнакомый, мертвый, гнетущий.

Справиться с остальными камнями и расширить проход было уже нетрудно. Я просто повышибал их ногой. В свете фонаря мне открылся круглый сухой тоннель, уходящий вниз, и две металлические полосы, проложенные по его полу. Рельсы...

Я торопливо пробрался в проход и сделал несколько шагов по тоннелю. И все же не выдержал, обернулся. Конечно, я не увидел за спиной ничего, кроме стены с неровной темной дыркой. Воображение напомнило мне про лесные заросли и солнце, разгорающееся среди редких прозрачных облаков. Туда еще можно было вернуться. Только нужно ли?

...Я шел и шел вниз, чувствуя, как напряжена огромная масса земли надо мной. Подземный коридор оказался однообразен – только стены и потемневшие рельсы.

Потом я начал «плыть». Это случилось перед тем, как я наткнулся на округлую, похожую на галошу вагонетку с каким-то тряпьем на дне. Рассматривать ее я не хотел, потому что уже появилась тошнота, закружилась голова и заныли суставы. Мне было не до вагонетки. Я испугался, что наглотался каких-то подземных газов. Но все равно убедил себя идти дальше.

Мне стало хуже. В ушах зазвенели колокольчики, загомонили сотни голосов, запели трубы. Я терпел. Иногда казалось, что я на несколько мгновений теряю сознание и иду как бы по инерции. Потом это проходило. Потом – возвращалось опять. Стены вдруг становились зыбкими и тряслись, как желе. Я делал над собой усилие – и шел дальше.

Неожиданно я упал на колени, и меня вырвало. Поднявшись, я охнул от внезапно ударившей по вискам боли. Теперь мне было по-настоящему страшно и тесно в этом подвале. Тем более что, поднявшись, я не вспомнил, куда и откуда иду. Тоннель был горизонтален и одинаков во всех направлениях. Правда, стены казались уже не такими гладкими и больше напоминали внутренности природной пещеры.

Я сунул трясущуюся от слабости руку в карман, достал зажигалку и двинулся в направлении, которое огонь указал мне своим подвижным красным пальчиком.

Стало холодно, и я едва шевелился. Тошнота и головная боль не слабели, к ним прибавились кашель, резь в горле. Я уже не способен был чувствовать ничего другого, кроме этих мук, и почти не испытал облегчения, когда впереди мутным пятном загорелся дневной свет. Я вывалился из пещеры и упал на мелкие камни, напоминавшие речную гальку. Меня снова вырвало.

Я лежал на спине, наблюдая, как вокруг шевелится густой туман. Когда холод доконал меня, я перевернулся, встал на четвереньки и пополз, не обращая внимания на камни, которые впивались в ладони и колени. Вокруг были валуны в человеческий рост и выше. Туман скрывал их, иногда я цеплялся за них плечами.

Потом я выбрался на ровную площадку и распластался на ней, отдыхая. По горлу и пищеводу вновь прокатилась волна судорог, но это закончилось приступом тяжелого болезненного кашля. Едва лишь я попытался приподняться, как сверху раздался жуткий вой, от которого я сразу покрылся липким потом. Надо мной нависло огромное животное с кривыми желтыми зубами.

Лошадь... Это обыкновенная лошадь, но мое воспаленное воображение сделало чудовище. Она не выла, а просто ржала. Я попытался откатиться в сторону, чтоб не попасть под копыта, и тут в тумане промелькнули темные фигуры, появились люди, задребезжали голоса, впиваясь мне в уши тупыми буравчиками. Я ничего не соображал и не сопротивлялся, поэтому меня благополучно перетащили и бросили на телегу рядом с воняющими рыбой мешками. Чи-

то заботливые руки опустили на меня грязную одеревеневшую шкуру со свалывшимся мехом. Я поспешно начал заворачиваться в нее, но она давала тепла не больше, чем лист жести.

Теперь, когда отпала необходимость куда-то ползти и что-то искать, я понадеялся, что дурнота и слабость отпустят меня, сменившись отдыхом под скрип медленно катящейся повозки. Но я ошибся. Мне не стало легче ни на йоту. Тело все так же сотрясали судороги, голова на каждое движение отзывалась волной боли. От надрывного кашля ныла грудь.

Иногда я впадал в короткое забытие, но даже там, по ту сторону реальности, испытывал прежние муки. Рядом постоянно что-то происходило: раздавались голоса, кто-то заглядывал в лицо, пытался напоить из стеклянной фляги.

Туман стал рассеиваться, и я увидел, что моя телега не одинока – по каменистой дороге, обросшей чахлым кустарником, двигалась целая процессия повозок, запряженных грустными лошадьми с тяжелой поступью. Впрочем, этот факт я отметил лишь краем уходящего сознания...

БЕЗЫМЯННЫЙ

Меня разбудил, как ни странно, запах навоза. Он преследовал меня во сне, я, наверно, сильно ворочался, чтоб избавиться от него, и пришлось в конце концов проснуться. Голова была чистой. Хворь ушла, оставив меня в живых, и это было просто счастьем. Правда, ощущалась слабость. Но мне казалось, хороший завтрак разделается и с ней.

Воздух показался мне каким-то странным. Это чувствовалось даже сквозь навозную завесу. Не исключено, что именно он, воздух, и стал причиной моей болезни, пока не наступило привыкание.

Мир вокруг был полон звуков. Фыркали и били копытами в пол лошади. Перекрикивались люди. Скрипели какие-то механизмы, а может, просто ворота или повозки. Рядом разговаривали двое людей. Их речь была одновременно и незнакома, и... частично понятна. Словно бы слышишь хорошо знакомую, но переделанную на иной манер музыку. Я никак не мог уловить смысл разговора, но все чаще до меня доносились отдельные знакомые слова.

Я понял, что пора бы открыть глаза.

Я находился в конюшне, это было ясно даже с закрытыми глазами. Меня поместили в клетку, где положено стоять лошади, и через прутья на меня печально смотрел мой сосед – старый, изможденный многолетней работой конь.

Я поднялся с грязного дырявого тюфяка и подошел к дверце. Она была закрыта снаружи, но я свободно мог бы дотянуться до запора через прутья.

Подумав, я решил этого не делать. Раз уж меня поместили сюда, значит, имели на то свои соображения. Может, они меня боятся. И, как знать, не дадут ли мне с перепугу палкой по голове, заметив, что я выбрался на свободу.

Я вернулся на тюфяк и сел. Мой взгляд упал в угол клетки, где кто-то поставил бесформенную посудину с водой и еще одну, поменьше, на дне которой темнела какая-то масса, похожая на подгоревшую кашу. Рядом лежала маленькая кривая морковка. Мне, конечно, очень хотелось есть, но я медлил. Внешний вид угощения не сулил никаких наслаждений.

И тут меня словно подбросило. Где одежда?! Я вскочил и осмотрел себя. Неизвестный доброжелатель втиснул меня в серую куртку и штаны, напоминающие тюремную робу. Рядом с тюфяком лежали два коротких сапога, сшитых из плохо выделанной, одубевшей кожи. Мой двубортный костюм, рубашка, галстук исчезли, а вместе с ними – пистолет, карточка, фонарик и множество других полезных вещей. Это никуда не годилось. Я чувствовал себя ограбленным и беззащитным. Особенно угнетало исчезновение оружия и документов, ведь к этим вещам у меня было воспитано трепетное отношение.

Рядом продолжали говорить невидимые мне люди. Возможно, они находились буквально за стеной, в такой же клетке, как и я.

Я крикнул. Голоса смолкли. Раздались осторожные шаги, и через несколько секунд перед дверцей остановился маленький сухой старичок с очень любопытными глазами. Одет он был в короткий коричневый халат, засаленный чуть ли не до зеркального блеска. Откуда он вышел, я так и не понял. Вслед за ним появился высокий щекастый парень, одетый примерно как и я. Они стояли и молча рассматривали меня с величайшим любопытством. Я заметил, что у обоих на поясе висят круглые деревянные коробочки размером с банку сгущенки.

– Выпустите меня, – дружелюбно попросил я.

Они настороженно переглянулись, но, чувствовалось, ничего не поняли. Еще бы. Я сказал это по-русски.

Но ведь я мог объяснить им, чего хочу. Я почти знал их язык, требовалось только вспомнить нужные слова. Еще пару минут мы стояли молча, глаза друг на друга, все это время я копался в памяти. Наконец удалось составить длинную фразу, смысл которой сводился при-

мерно к следующему: «Я хотеть через дверь ходить гулять». Более удачных слов вспомнить не удалось. Наверно, я был в тот момент похож на немецкого солдата, попавшего в плен к русским партизанам.

Для наглядности я просунул руку через клетку и коснулся запора. Старик с парнем вдруг испугались и попятились. Я отдернул руку – чего доброго отрубят.

– Надо позвать старост, – проговорил парень. Возможно, он сказал не совсем это, но я понял его именно так.

Они повернулись и поспешно пошли прочь, настороженно оглядываясь.

Я сокрушенно вздохнул и вернулся на тюфяк. Мне следовало всерьез подумать о том, как обходиться без переводчика. Говорят, что хороший способ выучить чужой язык – это стараться думать на нем. Я имел преимущество. Мне не нужно было ничего учить, а только вспоминать.

За последующие полчаса одиночества я достиг в этом некоторых успехов. Ощущение было удивительным. Стоило посмотреть на предмет или представить его себе, как откуда-то бралось слово и прочно занимало место в памяти. Это было похоже на волшебство. Правда, не всегда получалось удачно – например, я не мог вспомнить, как назвать лежащую в углу морковку, не говоря уже про мой пистолет.

Кстати, морковку я все-таки сгрыз, омыв ее водой из плошки. Она оказалась обыкновенной, правда, какой-то подозрительно сочной.

Наконец за мной пришли. Двое угрюмых верзил с ножами на боку явились моему взору, позади семенил уже знакомый старик в халате.

– Здравствуйте, – вежливо сказал я на местном наречии.

Старосты переглянулись, но ничего не ответили. Дверные петли жалобно скрипнули, и две пары мощных ручищ вцепились мне в одежду. Я терпеть не могу хамства, однако сейчас было не лучшее время показывать свои боевые навыки. В этом грязном длинном помещении мне сочувствовали, наверно, только лошади. Они грустно смотрели, как меня волокут к выходу, и мне хотелось сказать им что-нибудь на прощание.

Дневной свет на мгновение ослепил. Затем я увидел широкий двор, ограниченный с одной стороны высоким забором, а с остальных – постройками разного размера, примыкающими друг к другу. В нос сразу ударил гнетущий запах гнили. Во дворе было много людей, у них под ногами бродили индюки, свиньи и прочая живность. Возле забора темнели кучи каких-то овощей, охраняемые тремя мордоротами с ножами и палками. В самом центре двора стоял обычный колодец с воротом, окруженный обширной лужей. Я по возможности старался побольше увидеть, но моим конвоирам это не понравилось, и в конце концов один схватил меня за волосы, чтоб я не вертел головой.

Из-за этого я не смог обернуться, хотя очень хотелось. Боковым зрением я успел заметить, что сзади громоздится какое-то темное сооружение, а может, просто гора – уточнить мне не удалось.

Меня втолкнули в двери, открыв их едва ли не моей головой. Потом долго вели узкими коридорами. Все встречные поспешно отступали к стене, провожая меня странными взглядами.

Я был совершенно спокоен. Вряд ли меня вели казнить – это можно было сделать и раньше. А если и так, вырвать нож у старосты слева я мог в любую секунду. А уж дальше...

Действительно, что дальше?

Меня вывели на террасу, сложенную из толстых деревянных брусков. Сквозь редкую решетку было видно высокое облачное небо. Я увидел улицу города – она шла между деревянных двухэтажных домов с закругленными крышами. Лавируя среди луж и грязных обочин, по ней передвигались очень просто одетые люди. Воняло помоями и дымом. Где-то истошно орал поросенок.

Мы просидели на террасе довольно долго. Затем я услышал стук копыт, и ко входу подкатил угловатый экипаж с маленьким темным окошком. За ним следовал всадник – высокий и широкоплечий человек с широким ножом на поясе и свернутым в кольцо кнутом.

Дверца экипажа открылась. На меня уставилась пара круглых, рыбьих глаз. Их обладатель находился в полумраке экипажа, поэтому я смог разглядеть только лунообразную голову, покрытую легким пепельным пухом, и блестящие на богатом длинном халате.

Старосты впились мне в плечи, заставив опуститься перед своим повелителем на колени. Я не возражал. Я даже попытался приложить руку к сердцу. Но тут же несильно получил по этой руке палкой – мое движение показалось старостам угрожающим.

– Это он? – донесся квакающий голос из экипажа.

– Он, – конвоиры энергично закивали.

Их величество заговорили. Я по-прежнему половины слов не разбирал, но все же угадал смысл: луноголовый человек интересовался, из каких краев я прибыл, что за нелепый наряд был на мне и кто здесь может дать мне рекомендации. В его голосе звучала такая лень и пренебрежение ко всему окружающему, что мне даже стало неудобно отнимать у него время.

Как профессионал в своем роде, я просто обязан был предвидеть подобный разговор. Но, увы, до сего момента мои мысли были заняты совсем другими проблемами. Поэтому я начал импровизировать, и из меня полезла какая-то дикая фантазия про далекую страну, про путешествие, про разбойников, которые меня ограбили и бросили на дороге.

Повелитель слушал, склонив голову. Он смотрелся как школьный директор, получающий объяснения от ученика-хулигана.

– Ты очень странно говоришь, – сказал он наконец, бесцеремонно прервав мое повествование. – Интересно, в какой стране так уродуют человеческую речь? А что такое «путешественник»?

Я насторожился. Мне казалось, я не ошибся – слово обозначало именно то, что я хотел сказать. И все же собеседник его не понял.

– Путешественник – тот, кто переезжает из города в город, из страны в страну, чтобы увидеть мир, – осторожно пояснил я.

– Это правда? – с ироничной улыбкой поинтересовался повелитель.

– Истинная правда, – я сделал неопределенное движение рукой, чем вызвал новое проявление нервозности у охраны.

– Значит, ты просто сумасшедший бродяга, – без тени сомнения констатировало его величество. – Кто же еще решится выйти из города, только чтобы увидеть мир? Или у тебя есть в этом какая-то выгода?

– Да нет, – я пожал плечами.

– Ты говоришь очень странные вещи, пришелец. Сможешь ли ты доказать, что тебя не прислала Пылающая прорва, чтобы шпионить за нами?

Вопрос поверг меня в замешательство. Честно говоря, еще никогда не приходилось никому доказывать, что я не шпион Пылающей прорвы.

– Но... я никогда не слышал о Пылающей прорве, – проговорил я, стараясь скрыть свою растерянность.

– Может, это и правда, – неожиданно легко согласился повелитель. Однако в следующую секунду его круглые глаза сощурились. – Но если тебя ограбили разбойники, то почему они не взяли это?

Он вытянул из темноты экипажа веревку, на которой были нанизаны, как бусы, или привязаны мои родные вещи – фонарик, часы, карточка, расческа, связка ключей, кошелек, перочинный нож и авторучка. Пистолет отсутствовал.

– Почему они не взяли это? – повторил повелитель.

– Не знаю, – только и смог ответить я. Но мысль моя напряженно работала. «Думай, думай!» – заставлял я себя. Из ситуации надо было извлечь максимум выгоды.

– Может, потому, – проговорил я наконец, – что это мои амулеты. Нельзя брать чужие амулеты. Они вызовут болезни и неудачи у похитителя.

Напрасно я надеялся, что после таких слов повелитель с испугом швырнет мне в лицо мои вещи. Он только усмехнулся.

– Я не верю в эти глупости. Старые вещи не могут причинить вреда. Наверно, ты хочешь напугать меня. А ну, расскажи, для чего нужно это? – он взял в руки мою авторучку.

– Этим пишут, – кратко объяснил я. В тот момент я не обратил внимания, что мое великолепное снаряжение названо «старыми вещами». А если бы и задумался, все равно не понял бы истинного значения слов повелителя.

– Пишут? Какая бесполезная вещь. Я никогда ничего не писал и не собираюсь. Можешь забрать это себе. А впрочем, отдам управляющему. Он часто пишет.

Он повертел фонарик, но затем выпустил из рук, ничего не спросив.

– Я уже устал с тобой разговаривать. В другой раз ты мне расскажешь про все остальное. А сейчас я должен кое-что объяснить. При тебе не обнаружено имени и рекомендаций, поэтому тебе остается только надеяться на мою доброту. За утерю имени тебя можно хорошо наказать.

– Я не терял имени, – сказал я на всякий случай.

– Значит, у тебя просто никогда его не было, – он похлопал ладошкой по богато отделанной круглой деревянной коробочке на поясе. – Я разрешаю тебе пожить у меня. Будешь работать на конюшне, там и жить. Если окажешься хорошим работником, получишь имя. А пока ты будешь безымянным.

– А можно ли мне уйти? – деликатно поинтересовался я.

– Похоже, ты действительно рехнулся. Без имени ты прибежишь обратно, не пройдет и дня. Я стану платить тебе три малых клинка в неделю. Правда, один будет вычитаться за еду, а еще один – за право жить в городе. Ты, конечно, можешь жить за городом, если хочешь, – прибавил повелитель и почему-то засмеялся. – Честно говоря, третий клинок тоже будет вычитаться за... за разные другие блага. За одежду, например. За воду. И еще нужно учесть, что ты уже три дня находишься у меня, и тебе каждый день носят еду! Но ты не волнуйся. Я заберу вот эту ерунду, – он потрянул связкой моих вещей, – это и будет плата. Надеюсь, тут найдется что-нибудь полезное.

– Но у меня есть имя, – сказал я.

– Где же оно? – насторожился собеседник. – Вот, – я указал на свою карточку.

Повелитель с облегчением рассмеялся. Затем вытащил карточку из связки, осмотрел с двух сторон. Человек на коне приблизился к нему, чтоб тоже взглянуть на мой документ. Я заметил, что его лицо изуродовано шрамом или, скорее, ожогом.

– Эта ерунда здесь ничего не значит, – категорично заявил повелитель. – Может, в твоих краях это считается именем, но здесь – нет. Впрочем, если хочешь, забирай это.

Я поймал карточку на лету и крепко сжал пальцами.

– Ведите его в конюшню, – скомандовал повелитель, и дверца экипажа захлопнулась.

ВХОЖДЕНИЕ

Обратно меня вел уже один поводырь. Вернее, даже не вел, а провожал. Я заметил, что в его поведении осталось гораздо меньше хамства и грубости – видимо, я понравился его хозяину. Выходило, что иметь низкий статус безымянного здесь лучше, чем не иметь никакого.

Я даже осмелился задать вопрос:

– Кто был этот человек?

– Ты разве не понял? – угрюмо ответил староста. – Это – Лучистый, самый богатый землевладелец заставы.

«Кто бы мог подумать!»

На выходе я опять зажмурился от яркого света, а когда через мгновение открыл глаза – застыл пораженный.

Та исполинская громада, что беспокоила меня на пути к Лучистому, предстала теперь моему взору. Это было что-то невероятное. Не дом, не скала, а батарея огромных черных столбов, напоминающая циклопический орган. Столбов было шесть, они стояли далеко, может, в нескольких километрах от меня. Я затруднялся определить, какую они имели высоту – километр, два... Они были огромны настолько, что прикинуть размер на глаз не представлялось возможным. Больше, чем темные горы, которые громоздились позади. Они закрывали полнеба, хотя располагались далеко. Они были совершенно черными. Их вершины окружал туман, а может, просто они касались облаков.

Староста подтолкнул меня в спину.

– Что это? – проговорил я.

– Можно подумать, ты ни разу не видел Холодных башен, – буркнул детина. – Хотя, если ты не знаешь даже, что такое Пылающая прорва...

Я прикусил язык. Про Пылающую прорву говорить не стоило, разговор мог опять перекинуться на шпионаж. А спорить на эту тему я по-прежнему был не готов. Но все то время, пока мы шли к конюшне, я не отрывал от башен восхищенного взгляда. Что за разум мог создать это, для какой цели?

Возле конюшни меня встречал уже знакомый старик с любопытными глазами.

– Лучистый назначил Безымянного чистильщиком конюшен, – сообщил ему староста. – Покажи ему, где работать.

Старик кивнул, пожирая меня взглядом, и первым шагнул в темный проход.

– Ты – мой должник, Безымянный, – тихо проговорил он, когда мы шли по проходу. – Я носил тебе еду, пока ты лежал больной, отгонял мух и оводов. Я отогнал даже одного шершня. Ты бы умер, если б он тебя укусил. Теперь ты должен делиться со мной едой, а если не захочешь – скажу старостам, и тебя выгонят работать на поля. Пока к тебе только присматриваются, и если ты окажешься лентяем или неумехой – тогда точно твое место будет на полях.

«То, что ты мне носил, сам же и сожрал», – подумал я.

Мы начали спускаться по лестнице, уходящей под пол, и скоро очутились в подвальном помещении, среди маленьких, ни на что не годных комнаток и коридорчиков, в которых было полно старых тряпок, грязной посуды и мусора.

– Если хочешь, будешь жить здесь, – сказал старик. – Мы с Укравшим Мясо перебрались сюда, и нам нравится, хотя говорят, что здесь ночами прохладно. Если не понравится, перебирайся к остальным в барак.

– Как тебя зовут? – спросил я старика.

– Я – Друг Лошадей, – с достоинством ответил тот. И прибавил: – Это мое второе имя.

– А первое? – нехотя поинтересовался я.

– Ты, похоже, дурно воспитан, Безымянный, если спрашиваешь. Кстати, Укравшему Мясо, может, дадут новое имя, но ты никому не будешь говорить его нынешнее, иначе он найдет, как с тобой расквитаться.

– Ладно, не буду.

– Нам завтра рано вставать, Безымянный. Ты, наверно, хочешь отдохнуть?

Его заботливость показалась мне подозрительной. Однако я согласился.

– Вот и отдыхай, – продолжал Друг Лошадей. Помолчав немного, он вкрадчиво добавил:

– Если ты будешь спать, можно я доем твою еду? Ту, что осталась наверху, в стойле.

– Конечно, ешь, – великодушно согласился я, с содроганием вспомнив мерзкую размазню в плошке.

– Вот и прекрасно, – заметно повеселел старик. – А ты отдыхай. Возьми вот этот тюфяк. На нем до тебя спал Сквернослов, но его только вчера отправили на поля, потому что он оказался лентяем.

Друг Лошадей развернулся и весело зашагал к лестнице доедать мою кашу. Я нашел себе относительно чистый тупичок и бросил на пол тюфяк. Мое жилище по размерам напоминало купе в спальном вагоне. Свет едва проникал из коридора, который в свою очередь освещался через узкое окно под потолком. Каменный мешок, да и только. Валявшийся на полу хлам я сгрел ногой в соседнее пустое помещение. Попытался выбить тюфяк, но до идеальной чистоты довести его не смог, только повесил в воздухе облако пыли.

Находиться здесь было неприятно. Но я умел терпеть. Я лег на тюфяк и закрыл глаза. Настало время подвести итоги.

То, что произошло со мной, не могло уложиться ни в какие мозги. Любой нормальный человек сейчас всю щипал бы себя и кусал губы, пытаясь проснуться. Я, правда, не считаю себя нормальным, и тем не менее мне не чуждо многое из человеческого. Мои мозги в нужный момент напряглись – и втиснули в себя всю чудовищность происходящего. Теперь это напряжение тихо сходило на нет – через дрожь в пальцах, через медленно возвращающуюся боль в голове...

Я сейчас не задавался вопросом, какого лешего я вообще здесь делаю. Все казалось естественным: меня посещали странные, таинственные видения, я стремился разобраться в себе, и это привело к тому, что я шагнул в тоннель под старой развалиной в лесу. Раз это случилось, значит, так было нужно, и в первую очередь мне самому. Но что теперь? Что дальше?!

Меня не очень волновал вопрос, где я сейчас нахожусь. Где хотел, там и нахожусь – вот и весь разговор. И все же, что это? Далекое прошлое нашей планеты, или другая планета, или альтернативный вариант настоящего? Впрочем, в параллельные миры я не верил в силу своей профессиональной эрудиции. А вот принцип внепространственного переноса был мне чуточку знаком. Его возможность была доказана и изучена Ведомством еще в шестидесятые годы. Все документы легли, разумеется, в архив. Применения, правда, не позволял недостаточный уровень техники. Он и сейчас остался недостаточным. На Земле, конечно.

Рассуждать, как далеко от Земли я нахожусь, не было никакого смысла. Гораздо важнее другое. Я оказался там, где и хотел, это вне сомнений. Тот же язык, те же запахи, те же круглые крыши, наконец. Но куда подевались стремительные истребители? Откуда появились устрашающие черные трубы? Что за бардак и нищета вокруг, что за странные отношения между людьми? Да еще эти имена...

Впрочем, окончательный диагноз ставить было рано. Все, что я видел – это конюшня и грязный овощной двор. Возможно, за их стенами есть другая жизнь. Ведь я так мало знаю об этом мире и так мало помню о том, что было прежде. Нечего даже сравнивать.

Мысль о возвращении мало меня беспокоила. Если есть вход, значит, есть и выход. Я был уверен, что справлюсь с этой проблемой, не сейчас, потом, как только сочту нужным этим

заниматься. «Впрочем, – думал я, – надо бы поскорей найти человека, который меня подобрал и привез. И выяснить, где он меня нашел. Тогда будет просто добраться до входа в тоннель».

Пока я держался только на самоуверенности. Я не чувствовал себя здесь беспомощным. Мне казалось, что в любой момент я могу заявить всем этим людям: «Да вы представляете, кто я такой?! Да вы знаете, что стоит мне пальцем шевельнуть, и вы придете ко мне просить прощения?» Ведомство все еще стояло за моей спиной как несокрушимая, надежная защита от любых бед и посягательств. Как и там, дома. Наверно, мне стоило в тот момент оглянуться и понять, что Ведомства уже нет и я остался один...

КОНЮШНЯ

– Любишь ты спать, Безымянный!

Я собрал волю в кулак и поднялся. Открыл глаза. Друг Лошадей, опухший и помятый после сна, стоял в проходе, завязывая тесемки на своей грязной рубашке. Халат был перекинут у него через плечо.

Тело мое отчаянно стремилось вернуться в блаженное горизонтальное положение. Но засыпать нельзя. Однажды я не смог встать, и меня лишили еды на целый день. Это было суровое испытание.

Нас заставляли вставать ни свет ни заря. Но что самое странное, как бы рано я ни ложился, мне ни разу не удалось проснуться бодрым и отдохнувшим. То ли сутки здесь длились не так, как дома, то ли воздух был плохой, то ли еще что-то...

Я встал на ноги, держась за стену. Кожа нестерпимо чесалась. Я, конечно, старался мыться каждый день – а попробуй не помыться после работы с навозом, – но тело все равно чесалось по утрам. Возможно, и вода здесь была плохая.

Часто я видел, как один из старост приходит в конюшню и вытирает тело тряпкой. Эту тряпку он макал в бадью с лошадиной мочой. Возможно, ему это помогало не чесаться, однако я не мог повторить такую процедуру. Осколок старой жизни, застрявший в памяти, не позволял уподобляться.

Я находился здесь уже седьмой день. За это время ничего не изменилось. Каждую секунду я ждал перемен, каких-то глобальных свершений, в результате которых я перестану быть одним из оборванцев овощного двора и займу подобающее положение. На неудобства я поглядывал свысока, считая их временными. Но день шел за днем, а эти временные трудности все больше притирались ко мне, становились постоянными, неотъемлемыми и, что самое плохое, привычными. Мысль о возвращении меня так и не побеспокоила всерьез. Это было странно, очень странно. Воспоминания о работе, доме, Катеньке и других оставшихся в прошлом частях моей жизни не вызывали ни грусти, ни ностальгии. Все это казалось главами хорошей, давно прочитанной книги.

Одним словом, я не мог внятно ответить себе, к чему стремлюсь и чего жду от жизни. Мои надежды на какие-то сдвиги так и не обрели понятной, законченной формы.

Ночью с улицы нередко доносились крики. Кого-то грабили, может, убивали. Никто и никогда не рвался на помощь. За семь дней я ни разу не вышел за ворота. По обрывкам разговоров я мог догадаться, что весь город – сплошной овощной двор, окруженный с разных сторон каменистыми степями, горными грядами и редкими небольшими огородами. Где-то далеко были непроходимые горы, за которыми скрывалась Пылающая прорва. Что это такое, я так и не выяснил. Однажды затеял было разговор с Другом Лошадей, но он ничем мне не помог. Сказал лишь, что чем меньше о ней думаешь, тем меньше она думает о тебе.

Вообще, новую информацию об окружающих меня явлениях я получал очень медленно. Да и не очень стремился, считая, что главное впереди.

Сегодняшний день, как и все предыдущие, начался с разноса воды лошадям. Укравший Мясо встал чуть раньше нас, чтобы успеть наполнить часть тяжелых железных лоханок, которые мы с Другом Лошадей немедленно начали разносить по стойлам и подсовывать под двери. Мы носили и носили, а он наполнял все новые. Я мечтал поскорей закончить и завалиться в какое-нибудь тихое место подремать. Но долго дремать мне не дадут. Через каких-то полчаса мы снова будем обходить стойла и давать коням овес.

Укравший Мясо работает размеренно и мощно, как большая машина: шагает, сгибается, выпрямляется, шумно выпускает воздух, через равные промежутки времени останавливается, собираясь с силами. Друг Лошадей, напротив, бегаёт, суетится, зря теряет массу энергии, хотя

каждую секунду стремится ее сэкономить за мой счет. Наблюдать, как он старается переложить самую тяжелую работу на меня, довольно смешно. Я на него не в обиде – все-таки старый человек.

Когда мы вышли к колодцу за очередной лоханкой, он вдруг тронул меня за плечо.

– Вон тот человек, про которого ты спрашивал. Это он привез тебя сюда.

Я посмотрел в глубь двора, где несколько работников ссыпали из телеги на землю зеленую мелкую картошку. В стороне от телеги стоял высокий человек, одетый во все черное. У него были высокие сапоги, длинный нож и довольно большая сумка на поясе. Черные волосы собраны в пучок на макушке, что придавало ему сходство с древними самураями.

Почувствовав мой взгляд, он вдруг обернулся. Я сразу заметил, какая у него жесткая, неподвижная усмешка на лице. Это было лицо человека, который не боится ничего и никого. И не верит ни во что, кроме самого себя. В его фигуре, в сложенных за спиной руках и широко расставленных ногах чувствовалась быстрая упругая сила, какая бывает у хищных животных.

– Его зовут Подорожник, это старший погонщик, – шепнул Друг Лошадей. Через секунду он добавил: – Не нужно смотреть так долго. А то главному старосте передадут, что ты плохо работал.

Мы взяли лохань и поволокли ее в пронавоженное нутро конюшни, плеская холодную воду себе на ноги.

– Если позволишь мне съесть половину твоей утренней каши, – сказал старик, – дам хороший совет.

– Позволяю, – охотно согласился я.

– Он не знает, как к тебе относиться. То ли он спас тебя, то ли забрал в плен.

– Какое мне до того дело?

– Неужели не понимаешь разницу между услугой и насилием? Да ведь он может потребовать с тебя плату, если ты вздумаешь назвать его спасителем! Вот и думай сам, как себя вести.

Я не стал благодарить старика за совет. Ему моя каша нужна, а не благодарность. Вообще, надоела уже эта бухгалтерия. Можно подумать, что здесь национальная игра сводить дебет с кредитом и считать, кто кому сколько должен. Это, конечно, от бедности. Может, скоро и я начну считать, сколько раз я лоханку в стойло сунул, а сколько старик. И кашу с него за это требовать...

Наконец и с водой, и с овсом покончено. Время завтракать. Я отвалил старику в миску его гонорар и принялся есть остаток, стараясь не морщиться и поменьше плевать, когда на язык попадают особенно противные кусочки. При этом я гнал от себя воспоминания, из чего эта каша делается. Однажды я видел.

Едва я втиснул в себя последний комок, подошел староста.

– Лучистый купил новую лошадь, – объявил он, хлопая плеткой по стене. – Ее приведут после обеда. Найди хорошее стойло и вынеси из него всю грязь.

Распоряжение адресовалось, без сомнения, мне. Краем глаза я заметил, как Друг Лошадей забеспокоился.

– Но сейчас мы должны чинить повозку, – произнес он с дрожью в голосе.

– Вот и почини ее.

Я прекрасно понимал огорчение старика. Ремонтировать экипаж в одиночку – задача для него непосильная. Особенно при его нелюбви ко всякой физической работе.

– Но, может быть, Укравший Мясо...

– У Укравшего Мясо есть своя работа, – отрезал староста и пошел прочь, гоня плеткой мелкий сор под ногами.

Спорить со старостой – себе дороже. У старика от обиды затряслись губы. Я поднялся, стараясь не смотреть на него, и отправился искать подходящее стойло. Это оказалось непросто – пустых имелось сколько угодно, но все они были одинаково загромождены всяким хламом:

обломками досок, тряпьем, несуразными ржавыми железками, негодной посудой, остатками мебели и повозок.

Наконец мне удалось присмотреть неплохой вариант. Стоило было несколько просторнее остальных и располагалось недалеко от входа. Если хорошенько почистить его, отскоблить от стен серые липкие наросты, то староста, пожалуй, останется доволен.

А какое, собственно, мне дело, будет ли он доволен? Я поймал себя на мысли, что слишком часто принимаю правила их игры, забывая свою принадлежность и происхождение. С этим надо кончать, а то, чего доброго, так и останусь на всю жизнь специалистом по расчистке навоза. Работать, конечно, нужно – не помирать же с голода. Но отношение к этим людям и их делам надо менять.

Я собрался с духом – и приступил к разгребанию многолетних завалов. Выносить крупные обломки было не очень сложно. Хуже стало, когда пришлось заниматься грудями грязи, покрывавшей пол толстым слоем. О таком предмете, как лопата, здесь, похоже, никто никогда не слышал. Я нашел плоскую, довольно крепкую деревяшку и приспособил ее в качестве скребка. Касаться влажной перепревшей массы было противно, руки моментально почернели по самые локти. Я ползал по полу, подскребая то здесь, то там, перемещая гниль за дверь, пока больно не ткнулся обо что-то спиной.

Я обернулся – и застыл на месте, не успев даже выругаться про себя.

Из стены торчала покрытая ржавчиной железка, напоминающая полуразобранный водопроводный смеситель или крючок для одежды оригинальной конструкции. Однако для крючка она была слишком сложной. Да и для смесителя, пожалуй, тоже.

Не то чтобы я не видел эти штуки раньше. Видел. Они были почти в каждом стойле. Кое-где к ним привязывали лошадей по необходимости. Но ни разу мне не пришел в голову простой вопрос – зачем здесь эти детали? С какой целью их вмонтировали в стену? Привязывать лошадей? Для этого можно было обойтись простой скобой. Зачем эти выступы, пересечения, выточки?

Что-то шевельнулось в моей голове. Фрагмент древней, забытой картины на мгновение выглянул и опять спрятался. Я не успел ничего понять.

Я поднялся, ощупал деталь, подковырнул скребком. Все было ужасно старое, забитое землей и ржавчиной.

Момент был упущен. Я не успел вспомнить, для чего эта железка. Посидел немного у стены, напрягая мозги, но тщетно. Дальше я работал с неохотой, ощущая досаду, обиду и чувство какой-то потери. Мимо меня прошагало немало в моем положении открытые, а я возился с грязью, словно ничего не произошло. Словно я рожден был для этой грязи. Черт знает что...

Через некоторое время подошел Укравшийся Мясо. Он тяжело дышал и разминал плечи – ему сегодня поручили таскать камни, чтобы укрепить покосившуюся стену конюшни.

– Отдохнем немного? – предложил он, садясь на корточки.

– Отдохнем, – согласился я.

Он неплохой парень, только очень грустный. Похож на примерного школьника, который по недоразумению угодил в колонию строгого режима. Мы очень редко с ним разговаривали, и я мало о нем знал.

– Можно, я не буду называть тебя Укравшимся Мясо? – сказал я. – Мне не нравится это имя. Как-нибудь по-другому...

– Можно! – обрадовался парень. – А как?

– Например, Мясоед.

– Давай. Только чтобы никто не слышал – тебе нельзя никого нарекать. Накажут.

– Договорились. Отныне ты для меня Мясоед.

Я внимательно наблюдал за ним. Не начнет ли он заключать какую-нибудь сделку, как здесь принято. Момент был подходящий. Но ничего подобного не случилось. Он просто обрадовался, и все.

– Конечно, это не лучше моего прежнего имени, – смущенно добавил парень. – Я ведь не всегда был Укравшим Мясо.

– Я догадываюсь.

– Раньше меня называли Ломающим Железо. Вот, – он показал мне свои руки, чтоб я не сомневался.

– А что случилось потом? Ты действительно украл мясо?

Мясоед насупился.

– Я не украл. Я отрубил ногу у лисицы, которую нашел в лесу.

– Ты поймал лисицу?

– Нет, ее убила Пылающая прорва. Я просто взял одну ногу и не сказал хозяину, – он вдруг поднял на меня глаза, словно боялся, что я не верю. – Она целую неделю там лежала. Я каждый день бегал проверял, она была ничья. Все равно бы пропала. Я и подумал, что... что она ничья.

– А чья же она оказалась?

– Хозяина, конечно. Лес ведь его. Да я это знал, просто есть очень хотелось. Мне еды много надо, не то что другим. – Он помолчал немного, потом с любопытством заглянул мне в глаза. – Ты очень странно проговариваешь слова, Безымянный. Должно быть, ты совсем издалека. И щеки у тебя розовые, ровные. У вас еда дешевле, чем здесь?

– Смотря какая еда, – я пожал плечами. – Я вовсе не бедный, но и у нас есть такая еда, которую я не могу покупать каждый день.

Подумав, я добавил:

– Зато у нас нет никакой Пылающей прорвы.

– Обманываешь, – вздохнул Мясоед. – Пылающая прорва есть везде.

«Может, он и прав, – подумал я. – Пожалуй, любой мир стоит на краю пылающей бездны».

– Скажи, Мясоед, что это такое? – я указал на торчащую из стены железку.

– Не знаю, – парень явно удивился моему вопросу. – Таких здесь много, они всегда были. На это можно повесить сумку или привязать лошадь.

– Я так и думал, – вздохнул я.

Мы помолчали немного, потом Мясоед встал, прошелся от стены к стене.

– Все-таки хорошо, что нас не отправили на загородные огороды, – сказал он, задавая новую тему разговору.

– Наверно, так, – охотно согласился я.

– У меня есть знакомый, который работал на огородах. Он однажды видел, как Пылающая прорва убила сразу пятьсот человек.

– Сразу пятьсот?

– Нет-нет, он не врет. Там ведь и не такое может случиться. Она может убить и тысячу, только... Только обычно об этом уже некому рассказать.

– Это точно.

– А знаешь, почему меня не отправили туда? Лучистый увидел, какой я сильный, и решил оставить у себя. И ты тоже сильный. Ему нужны такие.

– Зачем тогда он держит старика?

– Ты еще не понял?! Ведь старик, – Мясоед сел рядом и понизил голос, – старик – настоящий погребальный мастер. Скоро ему вернут прежнее имя, и тогда у Лучистого будет собственный погребальный мастер. Это большая удача для любого землевладельца.

– Для Лучистого так много значат его похороны, что он готовится заранее?

– Почему похороны? Старику дано право нарекать и отнимать имя. Представляешь, какая сила?

– М-м... Да, наверно. А ты не знаешь, почему у него отобрали старое имя?

– Не знаю. Разве он станет рассказывать? Знаю только, что до этого он был Беззаконник. Но это и так понятно. Ведь не станет же настоящий погребальный мастер рыться в навозе, если не заслужил такого наказания.

– Наверное, не станет.

– Вот и я так думаю. Я стараюсь с ним не ссориться, да и тебе не советую. Сказать по правде, надеюсь скопить денег и выкупить прежнее имя. Старик, пожалуй, сможет помочь, когда ему вернут его право нарекать.

– А имя можно купить?

– Все можно купить. Всем известно, что Лучистый купил свое имя за сто пятьдесят клинков. До этого он был... – Мясоед тревожно оглянулся, и в этот момент светлое пятно прохода закрыл силуэт.

– Довольно бездельничать! – прогремел грозный голос старосты. Плетка со свистом рассекла воздух. – Работайте, иначе останетесь без обеда.

НАЛЕТ

На обед обычно давали горячее. При большом везении в миске с бесцветным варевом можно было выловить кусочек сала или хрящик. Однако я так вымотался в конюшне, что проглотил свою порцию, не обращая внимания на компоненты и составляющие.

Своей работой я мог с полным правом гордиться. Стоило не удалось довести до блеска, но все равно, по сравнению с остальными оно выглядело едва ли не как операционная.

Потом привели обещанного коня. Его доставил незнакомый мне человек, с ног до головы одетый в кожу.

Я никогда не был большим любителем лошадей, а здесь и вовсе потерял надежду когда-нибудь их полюбить. Причем дело было не в лошадях, а в людях, которые ими владели. Все животные выглядели худыми, жалкими и невероятно грязными. Почти у каждой лошади имелись какие-нибудь болячки.

Конь, которого привел кожаный человек, был потолще и порезвее остальных, но такой же запущенный. Грязь едва ли не сыпалась кусками с его боков и брюха. Похоже, о необходимости чистить лошадь здесь никто еще просто не догадался.

– Куда вести? – спросил меня кожаный человек.

Я представил, что сейчас этот ходячий комок грязи поселится в чистоте, которая стояла мне столько сил, и даже поморщился. Стало просто обидно.

– Идем, – вздохнул я и первым направился в проход.

– Задешево ваш хозяин купил лошадку, – сообщил мой попутчик.

Я промолчал, потому что совершенно не интересовался сделками, которые совершает Лучистый.

– Она плохая была, эта лошадь, – продолжал незнакомец. – Ее Пылающая прорва напугала. Потому и так дешево. Но мы с ней пару дней у себя потрудились, дурь выбили. Теперь она ничего, смиренная...

– Здесь, – сказал я, открывая дверь стойла.

Кожаный человек завел лошадь в стойло и удалился, посоветовав напоследок не кормить ее капустой, потому что «она от этого звереет».

Я с унынием посмотрел на несчастное грязное животное, поселившееся рядом со мной. Оно походило на бродягу, переночевавшего под дождем на помойке. После недолгого раздумья я решился на акт милосердия.

Найдя в куче мусора нечто, похожее на скребок, я шагнул в стойло и приступил к чистке. Без всякого корыстного умысла, а просто из уважения к этому благородному животному, которое с древних времен выручало человека и верно ему служило. Пусть этот мир не знает благодарности, я восполню ее, хотя бы на самую малость.

Приходилось поторапливаться. Я надеялся успеть прийти на помощь Другу Лошадей, все еще мучившемуся со сломанной повозкой. Через несколько минут моя одежда покрылась слоем пыли, зато лошадиная шкура местами начала блестеть. Правда, по ней бегали быстрые коричневые паучки, которые иногда норовили прыгнуть на меня, но их становилось все меньше.

Труднее всего дались грива и хвост, куда набилась масса колючек. Но я был терпелив. Я не только вычистил гриву, но и расчесал ее с помощью нескольких палочек.

В конце концов лошадь приобрела пристойный вид. Оказалось, она очень неплохо смотрится. Я полюбовался на творение рук своих и отправился помогать старику.

Там меня и нашел староста спустя, примерно, час. Он дождался, пока мы с Другом Лошадей насадим колесо на ось, потом отозвал меня в сторону.

– Лучистый остался очень доволен новой лошадю, – пробурчал он, доверительно тыкая плеткой мне в грудь. – Я знаю, что в этом и твоя заслуга. Не люблю оставаться в долгу.

Он выудил из кармана блеснувший кусочек металла и сунул мне в руку. Затем, ни слова не сказав, удалился.

Я посмотрел. На моей ладони лежал серебристый острый треугольник, покрытый простым узором.

– Деньги, – немного удивленно произнес старик, неслышно подошедший сзади. – Ты заработал малый клинок. Не бог весть какое богатство, но если выберешься в город, сможешь немного повеселиться.

Я машинально хотел сунуть монету в карман, но вспомнил, что карманов у меня нет. Пришлось использовать под кошелек ботинок.

Не успел я распрямить спину, как откуда-то пришел странный звук. Он повис в воздухе, окружив со всех сторон. Это напоминало пение десятка разных флейт. Почему-то сразу стало не по себе. Я заметил, что и старик засуетился, завертел головой.

– Башни... Это голос Холодных башен, – проговорил он со странной интонацией.

– И что?

Он посмотрел на меня с ужасом.

– Сейчас такое начнется!

Мы вдвоем выскочили из сарая, в котором работали. В овощном дворе царила неразбериха – люди бегали в разных направлениях, сталкиваясь и падая, лошади тревожно ржали и били копытами в двери своих загонов. Очень нервничали старосты – они с трудом успевали отгонять от овощных куч желающих отхватить под шумок чего-нибудь поесть.

– Что происходит? – крикнул я, заразившись общей паникой.

Друг Лошадей схватил меня за руку.

– Не нужно никуда бежать. Люди глупы и сами себе вредят. Ты спрашивал про Пылающую прорву? Смотри – вот ее посланник!

Я скинул глаза к небу. Сначала не увидел ничего, кроме серых облаков. Но потом заметил темный предмет, плывущий над верхушками деревьев за забором.

И тут меня словно осенило. Я смог оценить расстояние и понял: округлое тело проплыло не над деревьями, а значительно дальше, а из этого вытекало, что его размеры огромны!

Я застыл на месте, не отрывая взгляда от посланника Прорвы. Вскоре из-за зеленеющих крон появился еще один, потом еще – гораздо ближе и больше, чем первый. Формой все они напомнили мне гороховые стручки.

Моему взору было тесно в пространстве, ограниченном высоким забором, мне нестерпимо хотелось увидеть больше. Я, не задумываясь о последствиях и не слыша воплей старика, начал карабкаться по лестнице, ведущей на довольно высокую каменную башню с плоской крышей.

Оказалось, здесь уже обосновалась группа подростков, которым не меньше, чем мне, было интересно следить с высоты за событиями. Они либо вовсе не боялись, либо недооценивали нависшую над городом опасность.

Пение Холодных башен, казалось, стало громче и объемнее.

Я наконец огляделся. С крыши башни город был виден как на ладони. Он плавно изгибался вверх, уходя к подножиям угловатых скалистых массивов, где мерно гудели устремившиеся к небу черные столбы. В ту сторону дома были в основном большие и добротно сделанные, круглые крыши горели красной черепицей. К окраинам же город мельчал, становился серым и грязным. Я понял, что чем богаче люди, тем ближе к башням они селятся. Так, наверно, безопаснее.

Впрочем, сейчас меня гораздо больше занимало другое. Черных «стручков» было не три и даже не пять, а сотни! Некоторые подобралась совсем близко, другие просматривались в

виде тучи темных точек на фоне неба. Солнце светило в спину, и они хорошо были видны. Они двигались широким фронтом со стороны далеких гор, казавшихся узенькой темной полоской на горизонте. Я пригляделся. Мне показалось, что небо над горизонтом имеет неестественный красноватый оттенок. Оно мерцало. Красный отсвет то бледнел, то усиливался. Я смотрел до рези в глазах, потом схватил за руку ближайшего мальчишку.

– Что это? – воскликнул я, забыв всякие понятия о солидности. – Почему там светится небо?

– Прорва пылает, – с важностью ответил наголо стриженный подросток с оттопыренными ушами. Он тут же переключил внимание на своего товарища, который начал кричать ему прямо в ухо:

– Вон те два идут прямо на город!

– Нет! Мимо пройдут.

– Спорим?

– Нет. Башни не пустят.

Летающие «стручки» продолжали обступать город молчаливой черной армадой. Я посмотрел вниз и увидел наш овощной двор, который с высоты казался маленьким и еще более грязным. Людей было совсем мало. Двое стояло у ворот, замороженно глядя в небо. И еще какой-то инвалид ползал в луже у колодца и звал на помощь.

В армии посланников Прорвы начало происходить перестроение. Некоторые из них стали кружить на одном месте, мерцая холодным голубым светом. Это было удивительно, но сияние расходилось кругами, словно от брошенного в воду камня.

Мальчишки рядом со мной загомонили с удвоенной громкостью.

– Вон тот Красную деревню жжет!

– Да не деревню, а бараки на морковных огородах. Деревня-то дальше.

– А вон тот за мост пошел! Там восемь домов осталось...

Я сидел, хлопая глазами и ровным счетом ничего не понимая. Легко было догадаться, что происходит что-то страшное. Моя остаточная память словно затаилась, она не подкинула ни одного факта, ни единым намеком не подсказала, как себя вести и чего ждать в ближайшие минуты.

Я уже собрался расспросить всезнающих мальчишек, но тут самый маленький из них пронзительно закричал:

– Смотрите! Смотрите!

В ту же секунду Холодные башни взвыли, как теплоходные гудки. Я обернулся – и невольно отпрянул, едва не свалившись с крыши.

Два посланника висели почти над нашими головами, закрывая своей черной массой полнеба. Их размеры поражали воображение, это были летающие горы или даже острова. Я заметил, что на темной поверхности проступают бледные несложные узоры, как на теле паука или змеи.

– Башни! Башни! – закричали мальчишки, теперь уже испуганно.

И тут начало происходить что-то вовсе из ряда вон выходящее.

Мне показалось, что весь мир дрогнул и приготовился рассыпаться, как мозаика. Вой башен стал нестерпимым. Вслед за этим ближайший к нам посланник вдруг начал... таять.

Он исчезал прямо на глазах. Секунда, и его нижняя часть помутнела и будто растворилась в воздухе. Еще секунда – и исчез его бок. Лишь бледный дымок или пыль рассеивалась в воздухе. То же самое происходило и со вторым. Через несколько секунд остатки обоих «стручков» ринулись вниз, на лету рассыпаясь обломками. Все это рухнуло прямо на дома где-то на окраине города, и было видно, как там поднялась туча пыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.